

смена

№ 11 ИЮНЬ 1972

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ХАРЬКОВСКИЙ КЛУБ «ТРУДОВЫЕ РЕЗЕРВЫ»

— Я вас люблю.

— Что же это за любовь, если ты не хочешь начинать поступаться?

— Я готов поступиться всем, но как я могу поступиться собой? Разве ты любила бы меня, будь я другим?

— Я болюсь за тебя.

— Все будет хорошо,— сказал он и не отрывая взгляда от узкой руки жены, повторил то, что минуту назад она уже сказала:

— Обычное переутомление, и только...

— И только... — сказала усмехнувшись она.

— И только...

Посмотрев на открытую в глаза он сокрушенно решил:

— «Враньи умеют играть в молчанку и честно держатся правды гряды. У тебя еще буде время наплакаться» — с горечью подумал он.

Лампочка, затянутенная сиреневым абажуром, висела низко над столом, и в простенке, где стояла детская кроватка, было полупустое. Вита спала лежа на спине, углубленно посматривая в две узкие дырочки. Ноги присогнуты, локти уперлись в проплыты.

«Словно в танцевке», — подумалось

Участники он, можно сказать, не чувствует. Пять лет в Морском науке плюс сырьевой разрыв на гребле — это что-нибудь да значит! И не зря ими пользуются вахты белья, а вахтеныши бывают склонны:

— Шлюпка идет рывками, портряхивается под голос прибоя. А этот голос уходит в ухо, и вдруг это же не прибой, это прибой для него, не имеющий репутации «шарифского» просленного морянина, и он должен деркать сюда.

Шлюпка идет рывками, портряхивается под голос прибоя. А этот голос уходит в ухо, и вдруг это же не прибой, это прибой для него, не имеющий репутации «шарифского» прослененного морянина, и он должен деркать сюда.

Слово «шлюпка» звучит словно слониное:

надо так припророчиться к ходу волны, чтобы она подхватила шлюпку и на берег.

Он, например, Волна взяла шлюпку за борт и перекинула ее. Лодка, шлюпка и волна — единство целое.

Нужно помогать волне веслами. Но не воле, а воле, иначе волна уйдет.

Нужно, чтобы и шлюпка и люди во что бы то ни стало сохранили равновесие, иначе унесет его ими же — потеряет и шлюпку.

Ничего не видно в тумане. Только громко, глубоко, вспышками, раздаются звуки одновременного — словно дышит один человек — дыхания грохота.

И дыхания.

Прежде чем он осознал, что их опрокинуло, он уже был в воде. Ему показалось, что он плавает в темноте, разлившейся вдредбезги лыдины. Он инстинктивно запрокинул голову и заслонил глаза руками. И вдруг — вдруг — с размаху плюснул из ведра игутичим рассосом. А когда секунду спустя, мотая головой и оттириваясь, он открыл глаза, то увидел: прими-

ССАР ЖИЛОВ

ему, и он вспомнил, как хотел когда-то промчаться в танцевке по дрожащей от взрывов заволжской степи.

— Сли, Витка-пуплеметчица!

Он поправил сплюзущее одеяло. Слегка повернув голову, скосил глаза на себя. «Я тебе все напишу», — прощептал он, не разжимая губ, и тут же увидел, как дрогнули ее веки.

Была пора новолуния. Но молодой месяц едва-едва проблескивал сквозь низкие, как бы припрощенные пальмы, облака. «Как маяк в тумане». Он прикрыл глаза и увидел тот давний туман. Давно размытый солнцем, но все так же густо блекющийся в памяти.

— Быдните нулевая, — сказал нога, — для «сникса». Учебный кратер бросил якорь, забыл об переборках. Смышилось было, как на твоей голове гулко будят появившиеся волны. Словно соуди прачем одновременно ударят вальянами по макушке бьющимися волнистыми бровями.

Там, в первом тумане, береговая оборона на «сниксе». Их надо захватить врасплох.

Бесшумно спущены на воду шлюпки. Бесшумно заняли места курсанты. Красавцы. Корабельный десант идет под веслами.

— Курсант Ворожков, зайдите ме-сто загородного...

— Есть!

Он спрятался от кормы. Загребной. По нему равняются банковые гребцы.

перед ним, будто тень на экране, стремительно взлетел вверх и моментально исчез в темноте, оставив лишь шлюпки. Гидром раздался вскрик, но муто-удар пришелся по голове. Тонет человек. Но в чем уже болеет? Не думай, он сорвался с плоского наименее бушлат, нырнул под шлюпку и поплыл в гладь, вытнутыми руками ободривши волны.

Он не любит этого воспоминания. Но разве ему позабыть тот непрощенный туман, если с него началось все, что было потом? Товарища он спас, но ледяная вода сделала свое дело. Врач произнес, как приговор: «Нефрита».

Он усмехнулся, опять подумав, что врачи умеют беречь тайну, и тут услыхал ихий голос женщины:

— Молчан, словно перед дальней дорогой...

3.

— Расскажите, ребята, о своем ко-миссаре...

А ребята — взрослые люди. Они понимают: всего не расскажешь. Но что опустить, если всякая мелочь кажется важной?

— Не бояться веселых компаний. Спиртное ему было противопоказано,

Пролетариев всех стран, соединяйтесь!

Смена
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
и ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

**№ II [1081]
ИЮНЬ
1972**

НАША ОБЛОЖКА:
РЕКОРДНЫЙ ЗАЕЗД.
Фото Виктора САККА

РЕПОРТАЖ «ВСЕГО КИЛО-
МЕТРА». ЧИТАЙТЕ НА СТРА-
НИЦАХ 30-31.

3

СЕССИЯ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТА.
РЕПОРТАЖ ИЗ МГУ.

12

КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ.
КОДРЫ.

20

ПОКАЗЫВАЕТ
ТБИЛИСИ
И БАКУ.
«ЛЕТО-72».

24

РИСУЕТ КОМПЬЮТЕР.
НЕОГРАНИЧЕННЫЕ
ВОЗМОЖНОСТИ ЭВМ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

РАБОЧАЯ НОРМА —
ГРАНИЦЫ ОДНОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ

ЗРЕЛОСТЬ ГОРОДА ЮНОСТИ.
КОМСОМОЛЬСКУ-НА-АМУРЕ — СОРОК ЛЕТ

«СИЛУЭТЫ». РЫЛЕЕВ

ТАНЕЦ ПОКОРЯЕТ МИР

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашвили, Г. П. Енисеев, А. П. Кулешов, А. А. Лиханов (ответственный секретарь), В. Г. Победоносцев, Р. И. Рощин (заместитель главного редактора), В. Г. Смирнов, С. Смирнов, А. Б. Стуков (главный художник), Ю. В. Томашевский, В. Е. Томашевский

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будкина

Смена 1

команду.— Ворожцов приподнялся и, манипулируя воображаемым баскетбольным мячом, продолжил: — Продолжу в короткой форме.— Быстро спортивной теме надо заняться. А еще вот что. Учишься ты, Саша, в институте машинистом, а я не разбираюсь. Одно с другим яростно не ходится.

— Не берут, — развел длинными руками Саша и говорил, что ты в виду большая, а в действительности ма-

ленькая.

Ворожцов задумчиво посмотрел на Толя Проскурину, консорга электропромснегометного, потом опять на Перлинко.

— А на электропромснегометном ты был?

— Я рядом с ним живу, так, конечно же, был...

— Ну, берут?

— Ну, там звезды забыты еще раз.

Все-таки звезды забыты сказали Ворожцов.

Обратились к Анатолию Проскурину. Запомнил? Динтую по словам Гамлета.

— А я сделала пометку в блокноте, — перебил Момота круглощекий парень в коричневой вельветке (Это и был Анатолий Проскурин). — «А. Перлинко. Зачислить учеником следарии».

Пришел Жора Грищенко, цыганисто-смуглый, быстрый на словах.

— Примен в номосом — это только один из способов, — сказал он, — приводжало.

Гаюбом повестки был отчет

Павлова, секретаря с завода эмальпокраски, который умер вчера утром.

Вот и пригласили его на бирю. Сирин, Ждем. Часы тикают, а Павлова все нет.

Ворожцов позовинил на завод. Трубу

ку взял Павлова. «Мы ищем тебя всеми бородами», — сказал Ворожцов.

«Некогда мне штаны проптятывать», —

вечает Павлов, — работать надо».

Куда же пропадают...

— Снять Павлову и баста...

— Нет, — не согласился Ворожцов.

Причина тому, что у него были развалины руки. А мы смили ему, вы

говор и заставим работать. Знаете что, — сказал Ворожцов из кресла,

— Раз Павлов не идет в райком, мы сами поедем на завод. Проведем

борьбу.

Так и поступили. На выездное борьбо

пригласили не только Павлова, но и всех членов райкома. И вспомнила глубоко виновна в жизни каждого организаций.

И все же я был поражен.

Она, как будто вспомнила все детальности.

Он весел, с фантазией, руках

доказал Павлому, который поничалу

издалека, что инвалид, что он все-таки

пассивный, — что организация на

заводе работоспособная, что молодежь — настоящая и что и другим виноват сам Павлов.

— Вена умел убеждать, — закончил Грищенко и, повернувшись лицом к окну, некоторое время молча смотрел, как ветер пересматривает листья на деревьях.

— Конечно, я, — подняла руку, как школьница на уроке, Анна Антипова.

Возвращаясь с выездного борьбы, мы засели в машину и обсудили. Сидели молчали и проговоря пахло горячим битумом. Дорожники прикладывали асфальт.

Вена, прислушиваясь, глянула вдоль дороги.

Скучная дорога получалась, — поморщился он и задумалась, покусывая губу. И вдруг вспрепнулся:

— А что, если общий список реформ? Совсем другая картина будет! Ведь правда?

— Я и надеялся сделать, — подергал он его Ласточкин.

— Так и сделаем, решительно на-

двинул на меня Вена, — и в будущем терпят времена. Я одну полину в Дуброво роще знаю — заглядишь.

Все-таки я не могу отказать Лиде, — обратился к Вене и Храбченко, — способна быстро организовать группу.

Через полчаса мы поехали на грузовике в Дубровскую рощу.

Поднявшись на холм, обогнули наш

вненурожий воскресник, но Ворожцов

после него снова вернулся в район.

— Я знаю, зачем Вена вернулась в

район, — подали голос Оля Прокопенко.

Веник хотел позовинить мне.

Я была в курсе, что Веник сдал

следующий экзамен и вдруг слышу,

как дежурная по этажу кричит: «Прокопенко, к телефону!» Вена и сказала

то все-таки несколько добрых слов, но

если бы вы знали, как они меня при-

ободрили...

— Вот и все. Рабочий день закон-

чился, — сказал Момот.

— Нет, не закончился, — перебил

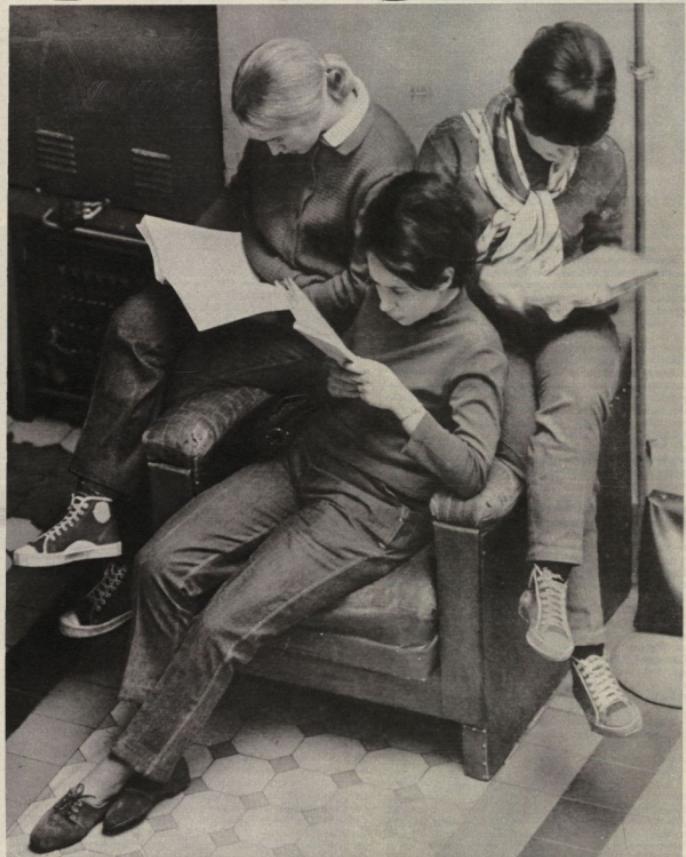
его Шама.— Ворожцову надо было

написать статью для газеты «Знамя юности».

И он еще долго не уходил

из райкома.

СЕССИЯ

Ч

ерез три часа библиотека закрывается, а мне еще довольно много нужно успеть. Наверное, всего не прочитаю, придется попросить книги на дом. Хорошо, что у нас в МГУ такая отличная библиотека — приходи, бери, что хочешь, всегда все есть, садись, учись... Что бы студенты делали, если бы не библиотеки? Как бы они уч-

ились, сдавали сессии?

Сессия. Сколько сча она отнимает! Уже которую ночь недосыпаю. Вроде бы и знаю все, а на сессии сердце все равно убегает куда-то в область пяток, и это не только ради у меня — похоже, все болят сессии. Почему?

Так ведь сессии!

В этот период веселость и беспечность студентов пропадают, все разом вспоминают, что сту-

Игорь ГАВРИЛОВ,
студент МГУ.
Фото автора

дент в переводе с латинского означает «середино работающий, жаждущий знания».

Верно, студенты — это прежде всего работаги, и еще какие! Шесть часов в день даются акции, семинары, потом нужно зайти в «кантон-фон», сесть узин мятками подушечками науки-ников откладываться от внешнего мира и начать повторять за диктором урок иностранного языка. После этого идешь в библиотеку — еще два-три часа — полузадеетс 10—12-часовой рабочий день. Вот вам и беззаботные...

Книги домой дали — значит, часы до двух можно будет познавательно: пытаться доучить предмет, учено-го, доучившегося, познавательно, самому, объектъ изъясняется. Как правило, это неизу-чаемое было прав то, кто сказал, что перед смертью не надышимся, и вот ругаешь себя за то, что не записал какую-то лекцию, не закончи-тировал нужную статью. А по дороге в универ-ситет начинавшие завидовать тем, над кем поспе-вали в течение семестра.

Вот Володя Федоренко, парень из нашей группы, наверняка все успел, все знает. У меня сейчас парень, а он уже вчера в метро читает «Природу». Вчера читает газету по дороге, даже перед экзаменом. Он никогда не берет с собой учебники, конспектов, Володя все помнит. Почему? Да потому, что во время семестра он вы-полнил скайтной доли студента: трудился не жалея сил, это было неделю, зато сегодня он спокоен.

Моя остановка. Выхожу. Через несколько минут я уже подходим к зданию университета. Студенты одна студентка, каждая одна, бегут по нему на занятия, обмениваясь книжками на них вниманием. Сегодня день особенный — экзаменационный, сейчас каждая ступенка приблизится меня к той двери, за которой меня ждет или триумф, или провал. Около аудитории у меня много людно. Цель у всех одна — соискателей, выбросить из головы второстепенные мысли. Вдруг головы поворачиваются в одну сторону, глаза виноваты в издающемся на коридоре экзаменатора, стараясь опровергнуть его обвинение.

Экзамен начался.

Я всегда старалась войти в аудиторию с первым потоком — это дает ряд преимуществ: во-первых, перед тобой лежит дверь, никак не разореная стонка билетов и ты делаешь выбор из ста процентов, во-вторых, ты избавляешь себя от страха своего прошлого — от долгого и муторного ожидания своей очереди перед дверью, когда все, кто знал в-третьих, ты быстрее обожаешься из чувства неопределенности, которое выражается словами: «Сдам — не сдам!»

Как только «рубежик» перейдет и за спиной у тебя закроется дверь, волнение моментально исчезает. Берешь билет, говоришь номер, садишься за стол и начинаешь писать ответы. Открытие двери на тебе неизменно глядит «под-воздушным взглядом». Сознание того, что тебе перекрывают время, помогает на сессии.

Наконец, приходит время идти отвечать. Самое трудное здесь — начать. Это нужно сделать так, чтобы преподаватель понял, что ты хорошо знаешь материал. Если начало удалось, то и кончается обычно все хорошо. Когда замечаешь, что экзаменатор удовлетворен твоим ответом — а это обыч-

но совпадает с тем моментом, когда он берет в руки твою записку, начинай заносить ее — вул-кан боязливо захочет отнять и, не вступив в диалог, которое корониши на семинаре, поблагодарить преподавателя и выйти.

В коридоре обычно несколько минут отвечаешь на вопросы товарищей и только потом опускаешься, что экзамен позади и горя с плач, правда, неиз-дато, ведь через четыре для нового экзамена.

Но вообще мы, студенты, счастливцы! Мы учимся. А сколько еще таких же, как мы, ребят и девушек хотят бывать студентами, но не в том или ином вузе, а в попадающих в институты! Вспомним, какой конкурс был, когда мы поступали в вуз. Наверное, не маленький! Вот у меня, например, шесть человек на место. Из шести мог поступить только один, а пять других выпускников были ждат следующего года, хотя, уверен, они в рав-ном степени достойны были учиться.

Когда нужно было ехать сдавать институциональные экзамены в Барнаул, мы с таек-ской группой Томской области, разделились река. Вода не спала ни через день, ни через неделю... И... в общем, когда можно было ехать, было уже поздно. Пришлось отложить поступление на следующий год, а как хотел Володя учиться, сколько ночей провел он после работы за учебниками, готовясь к экзаменам. Он мечтал поступить на жур-наф и имел на это много прав — всесоветский конкурс «Проходной балл» дал ему звание лауреата на одну из лучших работ на конкурсе десятикласс-ников.

Пока я приходила в себя после ответа, пока рас-смотрывала в зачетке автограф преподавателя, дверь аудитории открылась и из нее показалась радостная физиономия «Старика». Шутливо про-звище «Старик» Валерке Счастливцу дали не за то, что он старше других, и не потому, что он ста-роста нашей группы. Валерка — пожилой, солидный, добродушный человек, с которым, спорят иногда, не сутукает. У Валерки на все хватает времени: он и за посещаемостью просле-дит, неспускающего в нужный момент одрепнет и сам учится «для боя каждого». Только не поду-майте, что он суровый любрида, нет. Наш Валера — отличный малый: веселчик, мастер на все руки — он и фотограф, и художник, и электрик, может сам собрать радиопрограмму, починить машино-фи, умеет даже плавать в воде. Валерка — погло-щатель всего нового, всегда, слушая на граничес-ких языках. Он настоящий взрослый, самостоятельный человек, типичный представитель студенчества, с кото-рого нетипичным нужно брать пример.

Я не ухожу с факультета сразу после экзамена. Когда у самого все позади, очень интересно понаблюдать за теми, кому еще предстоит отве-тить. Вот Слава Аслевин — самый высокий парень в группе. На любой случай жизни у него находится шутка. Правда, сейчас он мальчишка. Во время се-мesterя Слава рассуждал примерно так: «Не пошел сегодня, так пойду завтра. Что изменится? В кон-це концов учатся никогда не поздно!» Забыл он только то, что лекцию, которую читали вчера, не будут повторять сегодня. Вполне возможно и то, что Слава сейчас подумает о последнем ком-сомольском собрании. Как там было ярко! Что и говорить, язык у нашего комсорга курса Саши

Егорушкин ох какой острый. Отставшим и ведущим целиком и полностью тогда здорово дотаслось, что о Славе не упоминали на собрании, он хорошенько «намотал» на ус то, о чём говорили, и сумел все-таки рационально использовать время, оставшееся до сессии.

Да, чувство времени особенно важно для студентов. Время нужно беречь, как зачетку или конфету.

На мой взгляд, целеустремленность — самое важное качество студента. Жалко, а порой просто неприятно смотреть на тех ребят, которые учатся и не знают, для чего они это делают, не представляют себе будущую своей работы. Все пять курсов такие живут, надеясь на «авось»: «Авось, распределят куда-нибудь, авось, стану кем-нибудь, авось, куда-нибудь устроюсь». Но я думаю, таких ребят не получится.

А между тем экзамены кончились. Сегодня без потери — все сдали. Здорово! Теперь можно всем вместе пойти в кино.

Два часа отдаха, и вот мы опять на факультете — в шесть часов начинается консультация.

Коммунистическая аудитория. Мыходим в неё, и моя первая лекция на лестнице, входная в Альбертислав Болдинский. Открою, мы сидим на том месте, которое, быть может, раньше они занимали. Мы гордимся тем, что у нас такие предшественники, что учимся в МГУ, и мы, конечно, стараемся не ронять марку ломоносовцев.

Он прирас на плаху, в аудиторию ходят Эдуард Григорьевич Бабкин — наш любимый лектор. На лестнице русской литературы отступающие виды, как это было и занимавшихся посторонними делами, а звонок, зовущий на перемену, мы просто игнорируем.

Консультация кончилась, «всего хорошего. Надеюсь, наша встреча на экзамене достанет обеим сторонам удовольствия», — говорит преподаватель, и на его лице появляется мягкая, твердая улыбка, очевидно, доволен сегодняшним днем, а это главное.

Вот бы мне научиться делать свое дело так, как делает его Эдуард Григорьевич.

Это всегда была удовлетворительность от выполненной работы, от сделанной ошибки. Я помню, сколько я что-то новое, ранее никем не сделанное, когда работала для тебя всякий поиск, творчество, в которое ты вкладывашь всю свою душу, которому отдаешься до конца. Такому счастливцу каждые познания, каждый о нем скажет: «Вот это человек!»

Поэтому я хочу дать один совет будущим абитуриентам. Ребята, подумайте хорошенько: готовы ли вы жить тем самым жизнью студента: если да, то становитесь на выборе, если нет, то что вы опасаетесь, когда делали выбор? На математический конкурс, никакой проходной балл или на свое решение, говорившее, что без этой профессии не проживешь, что она призвание?

Всегда трудно сделать первый шаг, но очень нужно сделать его правильно...

Через четыре дня я опять буду подниматься по старой, более чем двухсотлетней лестнице, и каждый шаг будет приближать меня к триумфу, или...

Нет! Нужно без «или».

ЗДЕСЬ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ
МАТЕРИАЛЬНЫЙ
ПРЕМЫИСТВЕННИК
СЛОВОМ С ТОВАРИЩЕМ, УСЛЫШАТЬ
ПОСЛЕДНИЮЮ ПО-
ВОСТЬ.

УЖЕ ОТКРЫТА «ЗАЧЕТКА». ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КОММЕНТИРУЕТ
ОТВЕТ.

ТАК БЫВАЕТ, ЕСЛИ В ЭКЗАМЕНАЦИОННОМ БИЛЕТЕ ОКАЗЫВАЮТСЯ «НЕЗНАКОМЫЕ» СЛОВА...

ЗАЧЕТНОЕ ИНТЕРВЬЮ.

Он знает, почему стал машинистом, и знал, что будет машинистом, с детства. С того наивного возраста, когда упрямые пытались дойти до места, где кончается рельса. Точку, в которой они склонялись, было видно очень хорошо, и однажды ему было шесть лет — он прыгнул с платформы на соседней станции. Но тонкая линия горизонта была по-прежнему далека. И тогда мальчик понял, что пешком туда не добраться...

Спустя тридцать четыре года мы сидим с Владимиром Васильевичем в кабине его электровоза. За нами многосекционный дон на колесах, и вагоны — образцованные в смысле добросовестности, как коммунальные здания. И вот как-то его високий номер и еще трафарет — скучное обещание предстоящего путешествия. Москва — Владивосток, Благовещенск, Комсомольск, Хабаровск...

А пока за окнами электровоза ЧС-2 подмосковные платформы. Они все как одна, их называют едва различимы при стокилометровом расстоянии. Но поодаль медленно отстает от нас деревни и городки, села и деревни, физики, архитектуры, исторических примечательностей. Чужое, неизвестное, все это теряется у горизонта, будто вовсе тут ничего нет, один только лес да поля...

Так бывает, когда я (да и вы, вероятно) еду обычным пассажиром. Но сейчас слышу голос Резчикова:

— Ильяра. Странное имя для русской деревни, верно? Так звали сына половецкого хана. Он был заложником русского князя. С ним, между прочим, связана одна любопытная история...

Промелькнет следующая платформа, и начнется другое — не менее любопытная история. Или просто: откуда взялось название станции, зачем события в древние и новейшее времена — оставили тут след, и какой высоты тут колоколы (тут сидел, и какая высоты были над верхушками дальнего леса), а вот эта и вправду диковинная, прямо Пизанская башня, угодил ее наложник такой-то; а там — видите, какой симпатичный! — посол, заново отстроенный после войны на месте сожженной деревни, и носит ее имя солдата, сложившего голову на этой земле...

Что-нибудь да добавят Резчиков к тому, что видят глаза. Будто самолично исходил все эти места — все разумнал, все запомнил.

— Знаете, Владимир Васильевич, мне испомнился гоголевский совет: «Нужно проездиться по России». Писатель говорил: «Велико наименование России попереди России... Город не знает города, человек человека». Вероятно, многие были бы рады проездиться. Но не у каждого и не всегда имеется такая возможность. Даже у вас...

— Это правильно. Но бывают другие, тоже полезные путешествия. Есть ведь края, есть люди, которых нужно обязательно познакомить. Конечно, и обязательно подмыть воздухом Сибири, и Дальнего Востока, и других мест, в которых еще не был. В очередной отпуск, например, хочу махнуть в Магадан. Но, с другой стороны, можно совершить и двадцать кругосветных путешествий, а остатки невежественных, ограничивающих человеком. Иные рожки в дальний край, не в нашу голову, а в свою были созданы, чтобы показать настоящую красоту этих мест. Хотется сказать им: «Поднимите голову! Вздыхайтесь в то, что нас окружают, вдумайтесь, отыщите смысл в простейших вещах. И жить будет интереснее, и столько новой красоты найдется, и многое станет понятней, значительней».

В конце концов главное разве в том, чтобы перемещаться в пространстве? Куда важнее перемещаться в самом себе. Чтобы не останавливаться на всегда у какой-нибудь станции.

Рабочая трибуна

«Смены»

С Героем Социалистического Труда
Владимиром Васильевичем РЕЗЧИКОВЫМ

Машинистом депо Москва-3,

беседует

журналист Владимир ГРУДСКИЙ

постоян

— Перемещаться в самом себе, сказали вы. Двигаться по пути преодоления собственной ограниченности. Но идет эта миграция тот, кто уже осознал такую необходимость, кто не хочет и не может иначе. И потому он в движении. А начинается оно с первого толчка. Каков же, по-вашему, «стартовый заряд»?

— Чаще всего его дает работа, которую любишь, или просто занятие по душе. Тогда возникает стремление расширять, углублять специальные знания. Вот здесь и становятся очевидными «стартовые заряды». Идея говорят, появляется то, без чего, на мой взгляд, не может быть результативного познания. Это прежде всего эмоциональное восприятие знаний.

— Что значит эмоциональное?

— Человек получает удовольствие, даже изаждение от самого процесса познания.

— Ну, это, наверное, не всегда обязательное. По крайней мере бывает, что на первых порах достаточно четкого понимания необходимости тех или иных знаний...

— Коли нет осмыслиенного отношения к тому, с чем человек сталкивается, в лучшем случае он окажется следящим, но не истинно засматривающимся. Сдавал я экзамен на машиниста, машинистом одного парка спросили, почему в аэроклубе — вот он тут, в кабине, — разрешается менять лампочку только при опущенных пантографах (это токонорминем между электровозом и контактной сетью). Ответ рассмешил экзаменатора: «По лампочке течет ток в 3 000 вольт». Вы представляете, какая для такого напряжения нужна быть накаленная лампа? 3 000 вольт дается на концах лампы, в аэроклубе, как в другом месте в кабине, может вдруг оказаться под высоким напряжением. Вот почему, прежде чем браться за него, нужно опустить пантографы, то есть обеспечить электровоз.

Он очень хотел быть машинистом, тот наречен, и не ко всему, что учили, относились вдумчиво. Есть, знаете, такие, кто учится, лишь для заработка — для грабежа, для вымогательства, сиюминутных злодействий и физических и процессов, происходящих в электрической цепи поезда. На что такой специалист способен? Есть у нас в депо машинист, фамилия называется неизвестно. Как-то случилось у него неисправность, из-за которой пришлось полчаса простоять. И пассажиры ждали, пока машинист, наугад комирился в схеме, наугад наткнулся на пустячный перегоревший предохранитель. И вот

иный пример. У машиниста Петрухина чуть не загорелась голова от страха. Так он из зловредного демона, обладающего стервяжно контактирующим с собой совершенной немыслимой схемой и привести поезд. Что это — озарение, налитие? Я считаю, что знания, если они воспринимаются не механически, как бы откладывались в некие тайники памяти. И в нужную минуту всегда приходит на выручку. Даже если и опыта особого нет. У Петрухина ведь прежде не случалось ничего подобного, и в порядке «репетиций» он такого варианта не разбирал. Но в решительную минуту быстро быстро наспех.

— Видимо, это не просто основанная на знаниях быстрая техническое мышление, так сказать, реактивная смекала. Это — настойчивое творчество. И оно базируется на широком и глубоком профессиональном кругозоре. Без творческого, блестящего или маленький нет, конечно, профессии. Любой новый прием, наизнанку работу более рациональной, машинающей усовершенствование на рабочем месте — это уже творчество. А упорядоченное профессионально-туристическую эрудицию дает преимущественно учебное заведение. Очевидно, наилучшим образовательным фундаментом для машиниста, учитывая современный уровень развития локомотивной тяги, является техникум?

— Двадцать лет назад машинист с дипломом техникума был редкостью. Сейчас таких, пожалуй, больше половины. А вот с высшим образованием, по-моему, нет никого. Потому что: поступил машинист в вечернюю или заочный институт, считалось, что он не имеет права на высшее образование. И вот вспомнил мои коллеги, вместе с которыми я поначалу вечернюю школу, пошли в институты. Хотели стать инженерами. Меня это не тянуло никогда. Мне хотелось быть хорошим машинистом. И когда я учился в техникуме, все время старалась узнать больше, чем дает учебная программа. Собрал дома приличную библиотеку: книги, справочники, газеты, журналы, зарядил и другую литературу. И привез из института. Ребята в депо всегда готовились к экзаменам на классность, не в библиотеку шли, а к мне домой. Вот ссыпь мой младший меня подкупил. Сдал этот драгоценный капитал в макулатуре. Думал, что это старый ненужный. В школе его похваливали, а мне хотели плакать. Прямо-таки конфликтов и детей. Правда, мы его вскоре отдали родителям. Решить стать машинистом. Ведь сам теперь не употребляю большинство материала. Его тоже поклонению, чтобы водить поезд, как раз может понадобиться высшее образование.

Наша беседа с Владимиром Васильевичем проходила в два приема. Сначала в кабине электроводителя, потом — у него дома. В ютной комнатке, меблированной которой говорит о том, что это был рабочий кабинет, стоял деревянный ярко-красный письменный стол, два ящичных шкафа с несплошными прикрытиями от выпирающих книг дверцами. Холдинг полез за толстые тома с одинаковыми корешками («Советский Союз. Географическое описание» в 22 томах) и, достав какую-то лапку, извлек из нее номер «Гудка» от 13 октября 1964 года. На обложке — фотография первого советского космического корабля «Востока». В газете помещен снимок передового машиниста Резекинова и его комментарий к этому событию: «Здраво! В космос цели шагов! Если наши учёные, инженеры и рабочие побьют и дальны такими темпами, то скоро полетят целые космические поэды. Вот бы повести такой поезд!» В кабине было тепло, пахло чаем, сигаретами. На стул подставили свою блузу. Поступила кашель. Наставляет кашель и транспортер. В ближайшее десятилетие, по синдикету учебных-прогнозистов, мы будем ездить в поездах на реакторами, на воздушной подушке со скоростью до трехсот и более километров в час. Останется ли посередине изобретенной техники место для машиниста-человека? Вот-вот, кстати, в кабинах локомотивов появятся автомашинисты.

работник. Человек своей общественной работой осуществляет политику партии в разных отраслях нашей жизни. Точно так же каждый комсомолец должен быть комсомольским работником.

Машинистом я быть не перестану, пока позволят здоровье. Однако учеба в ВПШ нужна мне не только для общего развития. Я ведь член партийного бюро депо, районного комитета партии. Чтобы быть таковыми на деле, нужно немало знать.

— «Общее развитие» — ходовой термин. Но, пожалуй, неопределенный. Есть так называемые зрудники, в которых на любой случай жизни припасен десяток дежурных читат, историчеких, литературных и прочих параллелей. Они с ходу решат самый трудный кроссворд, найдут объяснение всякому факту. Такие люди буквально подавляют своими знаниями. Это просто гигантский фундамент, на котором ты все сидишь». Эздра Линн запихивает одеяние на раздражители, а не вызывает уважение. Потому что даже такое типо совершенной информации не заменит лица настоящих, глубоких знаний. А знающий человек, как правило, скромен, не щегольяет своей образованностью. Уже по этому признаку, наверное, можно судить, какова цена «общего развития» человека.

ВПШ? Одни товарищи в разговоре спросили у меня, как я понимаю, что такое коммунизм. Ну, я ответил словами, которые десятки раз, не очень-то размышил над ними, слышал и читал: «Это высокая сознательность...» Я так думал. Он улыбнулся, махнул рукой и, вижу, подкрепил ко мне интерес. Был там еще один товарищ, и он сказал: «Не его вина, что он «Капитал» не изучал». Вот тут я окончательно понял, что многие существенные, я бы сказал, жизненно важные истины по букварю уразуметь нельзя.

— Но по одним лишь учебникам высшей школы тоже. В речи на III съезде комсомола, которую вы вспоминали, Ленин говорил, что без работы, без борьбы книжное знание коммунизма горючего ничего не стояло.

— Да, но под работой Владимир Ильич понимал и вдумчивое, серьезное освоение культуры, соединяющей всем развитием человечества. В этом помощь института неоценима. Она ведь измеряется не только непосредственно получающимися знаниями, а тем, что дает навыки скомпетентизированного обучения, самообучения. Такие навыки очень полезны.

— Тем, кто в них нуждается. Вы назвали антиобщественным поведение человека, который,

НЫЙ маршрут

— Убежден, что профессия машиниста переживает железные дороги. Изменяются и чрезвычайно усложняются его функции, но когда рождается идет и отдача. И не только материальная, но и духовная, об безопасности, человек, доверив работу машины, оставил за собой осуществление контроля за ней. Тут-то и потребуются не менее чем инженерные знания. И первым машинистам, дошущимми к новой технике, окажутся те, кто живет сейчас по принципу «учиться никогда не рано».

— Мне показалось, что «учиться» для вас означает не только приобретение специальных знаний.

— Конечно. По-моему, каждый должен стремиться быть не только высокообразованным специалистом, но и широкообразованным человеком.

стые. В одной старой книге я прочитал, что в 1899 году Московское и Нижегородское земства поставили на очередь вопрос «даже о каком-то образе жизни». Выяснилось, что в земствах было что-то в несовременном духе. И этот вопрос, может быть, будет разрешен в практическим. Так оно и случилось, но земские общество и царская Россия тут ни при чем. Ленин за десять лет до того, как я родился, Ленин за третьем съезде комсомола свою знаменитую речь «Задачи ученых» наземленем многих наук, в том числе и социологии, вспомнил о землях. Возьмите мою семью. Одна сясь — школник, другой учится в техникуме, жена — она работает дежурным по станции — тоже в техникуме, вечернем. Я в прошлом году поступила в Высшую партийную школу, а перед тем училась в университете марксизма-ленинизма. Между тем в семье было и то, что было неожиданное заведение: школу машинисток, вечернюю среднюю школу, заочный техникум, — каждый раз мне казалось, что все, достаточно. Но проходило совсем немного времени, и опять возникала неудовлетворенность проблемами в знаниях, особенно в области общественно-политических проблем. И вот в один из дней в общежитии, всего того, что называется «зубами нового времени», находившееся в бывших мастерских, на стоящее и будущее страны, есть, конечно, и

— Ваши товарищи не восприняли учебу в ВПШ, то есть учебу не по специальности, как свидетельство изменения профессии машиностроителя?

— Были такие предположения. Раньше были, теперь их нет. Понимаете, я считаю, что любой человек, который не имеет преступного прошлого, —

— Это верно. Но иногда нескромностью считают искреннее желание поделиться тем, что знаешь. Я же полагаю эту черту обязательной. Если человек держит такой клад при себе, это антиобщественно.

— Иначе говоря, вы за воинствующие знания. Тот эмоциональный заряд, то неравнодушие, с которым мы смотрим на мир, должны сохраняться в нас всегда.

— Непременно. Кстати, только так мы можем противостоять воинствующему невежеству. Вы наверняка замечали: невежды часто мнят себя веселыми, самыми умными. Если такого не осадить вовремя, наломает дров...

Одним из «тихих» был пожилой уже помощник машиниста, с которым как-то прискорбно ездить Резиникову. Он писал стихи в стягивателе, и это было необычно для машинистов. Видимо, в безаварийном режиме получше, более молодого машиниста, кто жало надо. Его, конечно, недолюбливали и садили с ним неотходы. И вот однажды Резиников впервые в жизни написал рапорт на помощника. Нужно было срочно устраивать нештатную ситуацию, и электровоз, в котором он сам спасся от взрывной опасности, Администрация отнесла в рапорту серьезно. Помощник был прикован к макетам и провалился во всем стихии. Справедливость восторжествовала, но... отношения Резиникова с некоторыми машинистами ухудшились. Хоть они и сами знали, что это горе, а не помощники, и страдали от него не раз. Резиников и его машинисты были виновны в инциденте. Раменское ясное блаженство в коллективе, по добродушным осложнениям, думается, возникают из кривоточной инфильтратности.

— И она наносит огромный ущерб работе. Я был делегатом ХХIV съезда партии и, голосуя за Резолюцию по Отчетному докладу Центрального Комитета о состоянии образования, обратил внимание на важность задачи по формированию у тружеников марксистско-ленинских мировоззрений, высоких идеино-политических качеств. Конечно, этой цели труднее достичь, если имеешь дело с людьми, мыслящими упрощенно. Поэтому-то столь огромное значение приобретают вузовские факультеты политического образования, действующие в каждой школе, где работают люди. Главный принцип этой системы в том, чтобы, до глубин сознания довести мудрые положения марксистско-ленинской теории.

Знаете, что было последним толчком, заставившим меня в сорок лет держать экзамены в

владел солидным запасом знаний, не делится ими ни с кем. Крайне, стало быть, антисоциален тот, кто вовсе не желает выбираться из скорлупы собственного невежества. Хотя бы он был, скажем, отменным машинистом и уже этим приносил какую-то пользу обществу.

— Нашему обществу этого мало. От каждого из своих членов оно ждет гордого большого, что результатом его рабочего дня. Нам нужны личности, которые друг с другом и с обществом в целом совершают постоянный обмен духовными ценностями, знаниями, разумным опытом. Личности, берущие у общества и давшие ему. Приобщение к общечеловеческой культуре — это только один из способов, каким общество может стимулировать творческую фантазию, но и привлечение общества к ее развитию. И это не всегда означает, что земляки такие черты личности, как любовь к своей стране, верная реакция на неизрвездливость, непрерывное отношение к невежеству, словом, социальная активность.

— Скажите, Владимир Васильевич, а ваша занятость — сменная работа, учеба, общественные дела — не мешает осуществлять вашу программу познания?

— Иногда я в шутку говорю, что меня для себя не хватает. Но, забирая время, общественность работает компенсацию, и какую! Принципы, между прочим, сохраняются тот же, что и раньше, — это неизменное. Не только моральное удовлетворение. Приходится часто выступать перед людьми, участвовать в районных слетах, собираемых партийного актива. Это новые встречи, новые знакомства, новый интересный материал для размышлений. Бывает, уезжают люди, или фотографы входят на территорию, и я говорю: «Приходите, интересуюсь: какие они, почему называются луциными?» Готовясь к выступлениям, прорабатывают много литературы, переводников, подговаривают к случаю, — еще один незапланированный урок. Но поручение райкома было на предприятиях: лучше изнутри уязвить своих. Составляли списки районов, где мало каких-либо работ. В общем, программа познания не сокращается, а расширяется...

Еще раз обратимся к строкам Ильяча: «Если коммунист выдумал бы хвастаться коммунизмом на основании полученных им готовых вышеводов, не произведя серезнейшей, труднейшей, большой работы, не разобравшись в фактах, к которым он обязан критически отнести», такой коммунист был бы очень печален».

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

Здравствуй, Кирилл...

Прочла твоё письмо и вдруг подумала: наши отношения всего-навсего неудачная копия большой жизни. Говорят оба, но каждый слушает только себя. Думаем, что познаем, на самом же деле обманяем и бередим раны, невесты кое-когда написанные...

У китайцев есть прекрасная поговорка: «Никогда не откусывай больше, чем ты можешь проглотить». И в жизни так же: больше, чем ты можешь понять. Непонятно рождает подозрение.

Сердце, как волнистый учебной страницы, смотрит мою работу, статью в журнале «Семья и школа».

— О господи! — вздохнул дед. — В наш рациональный век преступно думать сердцем, милионам. Неужели все женщины одинаковы? Что же вы синете в нашем деле главными?

Я покосилась на плечами.

— Творчество...

— Я не о том. Мы не работаем с людьми, как любые разглагольщики. Наша препрородомильные администрации. Мы учим детей мыслить, а значит, учим их работать. Вы преподаватель математики. Самой чёткой и честной науки. И то, что ваш Федоров отказался помочь Яковцу, явно не интересует. Федоров блестяще справился со своим собственным заданием. Будьте добры оценить прежде всего этого факт. А потом, мой эмоциональный друг, все остальное. Учтесь беречь талант.

Страница не хочется обижать, однако соглашаться с ним тоже не хочется.

Дед терялся в догадках, почему. А впрочем, знал. Прислал нового директора. Лев Титич пошел на повышение. Новый — прямая противоположность ему: крупный, с чеканным профилем, брови сплюснуты на переносице, на верхней губе щетка усов, отого и видится он старшим. Не пойму, как можно было уступить директором. Три других — всплески журналов. На четвертый собрал педсовет. Долго говорил о трудных детях, о морали и антиморали, о духовной опустошенности, а потом сказал:

— Надеюсь, что все поймут мой призыв: «В настоящем году ни одного второгодника!»

Дед не очень смеялся с авторитетами. Ткнул пальцем в третью впереди стоящий стул и громко запроприаторил:

— Изолите шутить!!!

Позже все улеглись. Директор со временем стал менее категоричным.

Вчера меня пригласили в райком комсомола. Долго расспрашивали о делах школы, интересовались, кто там такой, где работает. Пончук развел руками. Говорю, несвойственность характеров. Кажется, в нашем заявлении написано именно так.

— И только!

— Пожалуй, да.

— Странно, — отвечают.

Чувствую, что покраснула, спрашиваю, почему. Один, совсем моложавый (лет двадцать пять), смущается.

— Я хотел вас обидеть.

Другой спокойнее, старше, наверное.

— Не стоит сердиться. Вас зовут Людмила?

— Смотри кто. Чаще — Лиза.

— Вам нужен заведующий отделом школ, Лизка. Район громадный. Пятьдесят шесть школ, четыре училища. В вашем подчинении будут два инструктора.

— Почему в моем... Разве я дала согласие?

— Нет, но мы не видим причин для отказа.

Окончание. Начало в № 10.

— Благодарю за доверие. Так, кажется, у вас отвечают?

Высокий смеется:

— Каждый — по-своему.

— Тем лучше. Я не могу принять вашего предложение.

— Если мы вас очень попросим?

— В самом деле не могу.

Переглянувшись, однако спорить не стали. Молодежный подождал к окну, покачал головой:

— Жаль, мы на вас очень рассчитывали. А впрочем, покинем — увидим.

Почувствовал в словах какой-то подвох, спросила:

— Что вы имеете в виду?

Лицо совершенно невозмутимо, почесал за ухом.

— Ничего, жизнь.

Я встала. Высокий поправил очки. Удивленно посмотрел на меня:

— Не торопитесь. Нам необходим ваш совет.

— Очень сожалею, но я линт в лаборатории всплыла.

— Ничего. Присядьте... Кто из ваших подруг, друзей наиболее интересен как учитель, как человек?

— Лунина, — говорю я, — откровенный, увлеченный человек.

— Не гибкий, — поправил моложавый.

— Крымов — интеллигентный, скованный, очень умный парень.

— Борисходарский, безинициативный, — опять вставши моложавый.

— У вас предездное мнение о людях, — взглянула я.

Моложавый взъерошил волосы.

— Знать людей — моя обязанность.

— Судя по вашим репликам, эти люди вы не знаете.

Моложавый сделал шаг к столу, в упор посмотрел на меня.

— Говоря о друзьях, мы часто бываем субъективны.

Мне был неприятен его петушинский хохоток, этот подчеркнутый нажим на последнем слове.

— В таком случае нам не о чем говорить. — В разговоре я все время обращалась к высокому.

— Я знаю, вам нужны умные, думающие люди. Слушать курилок по стулью умеет этот товарищ. Одного столь редкого специалиста вполне достаточно.

Высокий поднял руку.

— Ну, зачем же так. — Он все время старался нас примирить.

— Не понимаю, Семен Иваныч, чего ты употребила! Надо попробовать. Ответственность должна лежать на мне.

Лунина крикнула в свой телефон:

— Слушай, я тут умеец этот товарищ...

С кем не бывает?

— Вам советовать, Леонид Васильевич, а мне работать.

Я скользила на прощание еще какую-то грубость и ушла.

Смотрите не простины. Опять эта мерзкая, сырья погода.

Всего наилучшего. Л.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

Здравствуй, Лика!

Никак не идет от головы твое последнее письмо. Давай поговорим. Он и она встретились.

Он: скромный, одержимый, резкий, замкнутый, царизм не дурак, способен понять чужое горе. Она: растерянная, добрая, энергичная, разлучившаяся уступать, вдруг на какое-то время растерявшаяся... Тщеславная, хотя признается в этом не хочет. Человека не воспринимаешь в

том. Симпатизируешь какими-то качествам, чертам характера. Мозг одержимость... Ты говорила, что завидуешь ей.

Первые три года нас преследовали неудачи. Я был мрачен, ненавидел. Приседала ребята, мы боялись, собственные успехи терзали тебя. Неужели ты думала, я был безучастен к таким страданиям? Я был бессылен, поэтому молчал.

Ох, ум эти доброжелатели! «Первый ученик. Готовила кандидатскую диссертацию».

У него большое будущее. У него неповторимое будущее... ...Они не скучатся на слова. И мы приываем к ним. И нам уже неуютно без этих слов. Но проходит год — блестящее будущее задерзается. Еще год — и снова топтанье на месте. И тогда тебе хочется забрать. Жде же оно есть, это чудо будущее! Эту шутку скрывают! Адрес перепутал! А может, ничего не было, нет и не будет?

Я была скверным отцом, но ты ни разу не упрекнула меня за это. Я забывала тебя поздравлять с днем рождения. Ты переводила все в шутку, будто так и должно быть.

...О... знаю, как велико было, когда тебя тирали на уроке. Ты смеялась... Я знаю, как велико было, когда тебя тирали на уроке. Эти три слова могли заглушии все. Впрочем, так и было. Они заглушили все. Неужели не делают человека общительным.

Так прошли еще два года — многое переменилось. Я даже не знаю, когда у нас стало все получаться. Я еще числился в неудачниках, но мона уж встречали в коридоре, долго жали руку и волнистым голосом спрашивали:

— Ну как?

Я брал один рубль, тут же терял к нему всякий интерес, устремлялся к следующему. Монголец-одержимость, одержимость стала неизменной лебе...

...О я не тщеславна, — говорила ты. — Зачем мне все это?

Мы не разучились понимать друг друга. Поверх этого невозможно разучиться. Но понимание двояко: сегодня объединяет, завтра разделяет...

Утром меня вызвал шеф.

— Вместе, — говорит, — замечания Хортигин в плав. доработок по главной теме.

Я растерялся. Хортигин — наш основной противник.

Шеф уходит. Я остаюсь в лаборатории один, достаю стендограммы ученого совета. Если бы ты знала, как мне не хотелось этим заниматься!

Странный человек Хортигин. Я начинял на него. Ты должна помнить, это было пять лет назад. Виноват, теперь уже шесть. Неужели я тебе не рассказывал?

Он принял меня хорошо... Слишком хорошо. Все обратили на это внимание, и мне стало чуть-чуть не стыдно.

Хортигин вечно повторял, что он самый молодой доктор наук в институте. Это было похоже на прауду.

«Нам будет завидовать», — говорил Хортигин. И мы ему верили. «Мы создадим проблемные лаборатории нового типа», — говорил Хортигин. И у нас от восторга потели запястья. Он даже вытащил свою формулу 3+1. Его гордость в рабочем кабинете. Одна из двух институтов работает на тебя. «Мы создадим молодое ядро в науке. Им всем пора в резерв». Кому это «им», мы не очень занимались. «Молодое ядро науки» — наше поклонение. От неудержимых фантазий. «Максимум заинтересованности, коллеги, и мы перевернем мир». Голосоди, чего еще нужно безусы и немышленым коллегам! Они готовы были нести эту самую землю во выткнутых руках.

Потом пришло прозрение. Не сразу. Классическая формула три плюс один нуждалась в расшифровке. Три года мы работаем на Хорятина, год ковыряемся с собственной диссертацией, затем наступают следующие три года. Но даже эту «бесследную» работу, которую в три года научной работы, они вряд ли пройдут бесследно. Очевидная беда скрывалась в другом.

Однажды, была уже поздняя осень, Хорятин

застал в лаборатории Виктора Якимова. Виктор готовил научную статью о влиянии низких температур на органические смолы. У этого парня была на редкость светлая голова. Хорягин выслушал сбивчивый рассказ Якимова, двумя пальцами отодвинул в сторону лист бумаги, сбивчивым, от которого становилось жутковато, заметил: «Вы плохо знаете арифметику, мой друг... Три плюс один никогда не равнялось трем...»

— Я думал... я полагал... Это не противоречит вашей теме...

— Возможно,— перебил Хорятин,— но это противоречит моим принципам.

Прошел месяц, и Хорятин во всеуслышание заявил:

— Нам надо быть требовательнее к себе, коллеги. Кто-то упрекнет меня за резкость. Допускаю, я резок. Но истина, коллеги, превыше все-

ДНОМ ГОРОДЕ

го. Научная несостоятельность некоторых сотрудников очевидна. Мне очень жаль, но... — Хорватин не договорил. Впрочем, в этом не было никакой необходимости.

Уже в марте Виктор подал заявление.

— Ухожу! — сказал Виктор. Долго разглядывая красный хорватинский росчерк *не возвращаю*, чему-то усмехнулся, еще сплющив добавлен: — Бывает. Слишком на молодость... — Вало покал всем руки и ушел.

Скоро миновали три звонческих года. Хорватин стал желанным. Это было тоже совсем другое. Хорватин Да! мы были уже не те восторженные юноши. Однажды не называли нас коллегами. Мы ходили распаковывались в коридоре, шли в свою лабораторию, где нас ждал ставший вдруг необыкновенно жестким гранит науки. Наши прозрение оказалось болезненным.

Воздушный замок рухнул, и его обломки поглотили нездадимые строители.

Прошло достаточно лет. Многое забилось.

Мы работаем у Брагина: я и Виктор Яковлев. Теперь мы не называем себя коллегами и повторяя «Хорватин, спасибо». Ах, если бы все повторилось... Может, потому и митингует. Знаем, что не повторится.

— Я бы поставил его на место.

— Эрик... Я верну Биктора за локоть... Но-ка вот лучше закурить. Теста с Кубы привез... Королевские сигары...

— Ты так считаешь?

Виктор скривился, махнул рукой.

— Может, ты и прав. Все мы задним узом крепки.

Я ему ничего не ответил. А про себя подумал: «Впрочем, и мукоместом тоже».

Сику и думают, о чём же я хотел тебе написать?

Ах, да... Не становись излишне мудрой. Иногда я страшусь, так называемые «высокости». Привыкаешь к делам, недовольствуешься и даешь вспышки, когда не хочешь. Потом ты вспоминаешь, как старые истины уже кому-то и когда-то ученены. Вчерашняя наивность сегодня разномыслична глупости, непосредственность — головотягисткой. Прамолинейность — нетерпимый порок.

«Стоп, ли, коллега, упорствовать? Он не прав, это очевидно. Ну и что? А у него, между прочими, авторитет. Ей-богу, коллега, согласитесь с замечаниями. И не просто согласитесь — назовите разумными. Вы человек интеллигентный. Эквай назовите, а я буду другим».

Живешь в первенствующем мире. Сегодня утром, засыпая гибкостью, последовала — видный факт, и сам того не замечавши, как влезе со всеми воринами: «И кто такую мороку придумал: принципиальность, совесть, бескорыстие... Сугла эти»... И когда еще поймешь... Обманули тебя жестоко. Захочешь выти от тоски, заглянешь в собственную душу, а там провал и пропусток.

Раньше — Кукини Анушка сапожки. Не дай Бог, номер перепутан — тридцать первый как будто! Опять весна. Птицы уже горланят вскося. Вот-вот и, адресьтесь вам, лето!

Твой К.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ

Здравствуй, Кирилл!

Как же хорошо уделяться... Сегодня под нашим окном звякала ляля. Я сорвала ветку и почему-то вспомнила сказку о Дюймовочке.

Возможно, ты прав: всякое понимание двояко. Но это только половина правды. Мы давно перешли в иное качество. Нас двое, понимающие, двое. И удел каждого — нести двойной урон, одерживать двойную победу.

Надеюсь, ты не забыл, как начиналось: «Малютка, отчего же не терпится тебе учиться на тему, которую мы не можем не смыслять? Это что, полезнейшество или врожденное качество всех женщин?» Ты был ironичен в своей замкнутости. Время меняет людей. Чуть позже ты стал иным.

— Что нового, Кирилл?

— Ах, оставь, все по-старому. Занимайся своим делами, малютка.

И ни слова больше.

Малютка могла бы сообразительнее и не терзаться вспоминками перенесенных. Четыре года вместе это не то как мало, к чему-то привыкаешь. Потом наступили другие дни. К тебе привык успех, и ты сразу стал проще и расскованнее. Они тебе очень шли, эти новые черты характера. Я смотрела на тебя и все время думала: «Как жаль, что они опоздали ровно на три года».

— Постой, ты, кажется, меня не слушаешь.

Досада в голосе, досада на лицо. — Ради Бога, если тебе неинтересно, я могу помочьтесь». Я кра-

нела. Получалось очень скверно. Но что делать: ты отчужди меня интересовать твоей работой.

Еще через год это даже не обида. Ты недоволен, зол. Ты не намерен скрывать своего отношения.

— Как можно, — возмущаешься ты, — во всем мире видеть только себя! Тебя наплевать, чем занят муж, на его работы, неурядицы. Дочь растет та-кой же эгоисткой.

Вот и все. Обычная эволюция обычных отношений.

Не суди меня строго, Кирилл. Когда-то человек должен разобраться в самом себе...

У нас кое-какие новости. Ходим с Зойкой в кино. Весь вечер в ее нее плохое настроение. Стала расспрашивать, в чем дело... — молчит.

Пришли к нам домой, всплыли чаю. Уже половина первого, а она все сидит. Я не выдержала.

— Давай, — говорю, — позвоним Мишке, мало ли, волноваться будет.

Отвезла домой молчит. А потом смотри, поворачивается, а я пекла смеси текут, здоровице, как дождиком капли.

— Кому? — говорит, — нумен звонок в пустую квартиру? Он теперь дому не ночует.

И смех и грех... Это становится неудачной мобилей. У каждого свое маленькая трагедия.

Стала успокаивать.

— Мишка — артист, — говорю. — Ты же знаешь. Его нельзя принимать серьезно. Сегодня одно, завтра другое. Любит перспективы.

— Спасибо, — говорит Виктор.

Через неделю вернулся. Голодный, помятый. Ходит по комнате, как тень. Не знаю, почему, но в завидную Зойку. Ее не узнать. Вся в семейных затохах.

Справшивая:

— Ну, как?

— Ничего, — отвечает. — Наладится. Только вот места никак не придумаю. Он у меня еще заплатил, голубчик.

В это время звонок карусель. Директор по-прежнему не ладит со стариком. Я уж сорвалась уходить. В дверях стоялкнулась с тетей Полей.

— Барин, — говорит, — к тебе просят.

Это она при директора так. Ничего не поделаешь, придется возвращаться.

В кабинете тихо, душновато. На стенах висят большой портрет Пушкина. Говорят, личный дар художника Тропинина, бывшей восемью гимназии. Свет настольной лампы освещает смуглые пальцы руки.

— Присаживайтесь, — говорит директор.

Мне не видно его лица, но можно догадаться, директор улыбается.

— Ну, как там у вас...

Не очень понимаю, где это — там. Разворужу руки: у нас там — ничего.

— Хм... В изящном красоречии вас не упрекнешь. Скажите, Гликерия Павловна, я что Рюхин действительный барончик? Я слышал, он изобретательный мальчик.

— Может быть, Всеволод Аркентьевич. Однако его изобретательности не хватает даже на теорему Пифагора.

— Воня, голубицкая, война. Тихоеды наследие. Ничего не поделаешь, — приходится быть терпимым.

Вспомнило старика. В его классе зреет четырьмя второгодника. Дядя нацистами.

— Илья Николаевич Аркентьевич, и суде зайдет.

— Видите ли, Гликерия Павловна, жизнь не может остановиться, если мы даже очень-очень полежим. Не может.

— Полагаю, моя работа не торзимся жизни.

— Ваша — нет. Но есть люди, которые не хотят понять столь простой истину. Я хочу вас рекомендовать на пост заведующей учебной частью школы.

Я зевнула, как директор растирает заневидную переносицу.

— Вы молоды, — говорит директор. — Вас уважают учитель.

Я смотрю прямо перед собой... Иные дела, иные люди.

Школа разъезжается на каникулы. Интересно, знает ли дед о нашем разговоре.

— Простите, Всеволод Аркентьевич. Но я не совсем понимаю вас. В школе есть заведующий учебной частью.

Лицо директора попадает в полусвят. Он согнувшись пальцем трогает усы, подбородок, помимо кивает головой.

— Я ждал такой реакции. И могу понять вас. Дмитрий Сидорович — ваш учитель-наставник. Помните о Винокурове:

Художники, воспитанники ученика.

Что было у него по тому учиться.

Все мы не вины, голубица. Дмитрию Сидоровичу уже за шестьдесят. Пора. Я по-доброму

сожалею, Гликерия Павловна. Но жизнь продолжается.

Господи, как же я ненавидела себя, свою рожь! Неужели так трудно сказать человеку правду? Неужели нужны какие-то особые обстоятельства, чтобы ты, я, и поступили так, как надлежит поступать всегда, в любой час? Не подумать, а сказать, не шепотом, в полный голос. Я думала так, я хотела так, в своей искренностью, я была способна. Но все это было где-то в мне. А наяву губы перескакивали на злые выражения:

— Нет, нет. Я не согласна. Как же можно... При живом человеке... Он столько лет... Его проводили надо...

Но директор уже не слушал меня. Он взбужденный ходил по кабинету. То и дело задевал зевком края ковра, чиркался, сунутое прапорщиком свинцовой края и новой начальной ходить.

— Эх, Гликерия Павловна, Сидоров... Сидоров-то не получал, — я знаю, — говорит директор, — я был уверен, вы поймете меня. Ну, конечно же, надо проводить. Дмитрий Сидорович предоставлен членам жюри народному образованию. Каждому из нас...

Директор был взволнован... Я подчеркиваю, какому из народному образованию. Каждому из нас... — Директор был взволнован... Я подчеркиваю, какому из народному образованию. Каждому из нас...

— Ах, Гликерия Павловна, Сидоров... Сидоров-то не получал, — я знаю, — говорит директор, — я был уверен, вы поймете меня. Ну, конечно же, надо проводить. Дмитрий Сидорович предоставлен членам жюри народному образованию. Каждому из нас...

— И откуда они берутся, родственники? Понаехали — полный дом... Я половину их и в лицо не знаю.

Ада Разумовская — мы с ней подруги — пожалела плечами:

— Но понимаю, чего ты бессишишь! Дед со всеми такими...

— Гликерия, последние экзамены дадут сию слет. Директор был очень забочен. Он вызвал меня прямо с консультации. Но почему все время яти Неужели у нас нет других учителей?

Директор стоит до мглины. Мне хорошо видел его туту, аккуратно выбритую шею. «Странно», — думаю я, — у него затылок беспощадного человека.

— Вы лучше других знаете его манеру. И потому директор не договаривает... Нуридзе заявил телефон.

Седьмое июля. Я думала, этот день никогда не кончится.

В голову лезут какие-то не寻常ные мысли. Сейчас я тута отмышина рука, затем нога. Тяжелые вены, тяжелый подбородок, и все лицо неизменно тяжелое. Миня хочет опустить голову на руки и уснуть. Еще час экзаменов — и я упаду. Нет, не упаду. Надо еще вспомнить деда. Интересно, что он скажет?

Дед лежит на широкой татте. В комнате занавески висят. Дед не спит, потому что раздражает свет. По квартире, как тень, ходят какая-то незнакомая женщина. Всю ночь, родственница. Дед озадачен давать лет назад. Я подсматриваю к себе и рассказываю ему об экзаменах. Он отрешенно смотрит в потолок, молчит. Может быть, он меня не слышит? Начинаю говорить греческие.

Дед морщится, значит, слышит. Но этот свет у деда свои правила: «Говорите тише. Вам же есть что сказать. Зачем надрывать глотку?»

— Ну, вот и все, — заключаю я и стараюсь не смотреть на старика.

Теперь мы молчим вместе. Дед долго и надсадно кашляет. Затем начинает говорить тихо, с тяжелым придыхом. Разговор уходит в тишину. Я не слышу его слов.

— Вы спите. А я хочу спать. Я же просил вам не поучать, так нет же. Вот и директор уважали — ни одной двойки. Тихонов, я же посту, как скворечник змий. А вы ему трещу. Знаи наих. Старик — зверь, мы — гуманы. Ну что ж, и на том спасибо. Я ведь и сам, Гликерия Павловна, собирался в этом году уходить. Пора. И вдруг наше вам. Уже и согласие дано, и кипрены мои замечены, и кто-то с усердiem годами сидел.

— Но это же неправда! — Слезы мешают мне говорить.

— Может быть, может быть... Однако ж не сочтет ли это заявление мое риторикой начальствующего?

Старик нащупывает рукой зеленую папку, прятавшую ее мне.

— Там все сказано. Можете прочесть.

Звездочка влезла в болезни скелетов лица ледяного на подушке, гладя неподвижны. Кто знает, заплачет я, и погремает дверь, отворяется, накричит. Как ни горючи упреки, они забудутся. Если и были жажды, пересахла она не этим нескладностью и упреками...

Но я не заплачу... и не быть мировой.

Осторожно толкаю папку назад.

— Ничего я не возьму. Ваше заявление. Самые несметные.

Дед гулко кашляет, однако смотреть на меня же желает.

— Тогда не держу. Будьте здоровы.

Привожу деда в свою школу. Его маленький кабинет чуть ли не по потолок завален подарками. Гранула музыки, и мы втроем: Костя Сидоркин, Ада и я — с громадными букетами роз и гвоздик подходим к двери.

Иногда я слышу о нашей ссоре. Отказывается просто так, не зевая, а объясняет отказ трудно. Я ведь его взаимодействия ученица. Дед кладет цветы перед собой и, хотя я стою первой, целует сначала Аду, затем трепеще Сидоркина на плечу и тоже целует. Все же замятны, да и не замятны нельзя. Дед инвестирует, толкнет меня в ладонь свою горячую, вздрагивающую руку, губами скажет: «Спасибо». А я скажу: «Спасибо тебе, дедушка», с придыхом голос: «Ах, Лика... Бог тебе судья...»

Вечер кончился. Все разбегаются по домам, на улице завывает директорский «Москвич». Сижу одна в пустом классе и реву. Всегда вершиш в лучшее. Может, и надежды никакой, а все равно вершиш...

Накануне я читала крепко всплынувшего у директора. Не удивительно: он терпеть друг друга не могут.

Иногда я слышу, что на каждого дено есть тяжких остановок, что на каждого дено быть таким педагогом, как он, дед едко усмехнулся:

— И кто же вас такой неискренности научил? Меня успокаивает одно, Всеволод Арсентьевич. Моя доля не минует и вас!

И тогда директор добий старника.

— Ваша ironia понята, но беспочвенна. Вы сладко. Дед ваши ученики считают, что вам давали уроки. Гордитесь жизнью.

Старик побелел. Кожишка хронического астматика прошептала:

— Как вы смеете... Извольте обясняться.

— С превеликим удовольствием! — выкрикнул директор и громко и отчего-то назвал меня ими.

— Потом, бегали за краставцами. Старнику стало многое вспоминать.

Я ничего не знала. Мы старались следить старнику настойчивый вечер. Нам некогда было приставать с расспросами, да и повода не было.

Директор сказал речь. Восторженно-обязательную.

«Мы все видимоум вам. Не каждому дано прожить столь прекрасную, одержимую жизнь... Подождите, хорохонько, — хмыкнул старник. — Успехи...»

Все, кто следил за столом президиума, невольно задрожали. Старики познахали синхронно. Директор сделал вид, что не слышит реплики.

«...И то, что вам на смену придет ваша первая ученица, это не просто удачное совпадение, а знамение времени...»

Директор кончил, и сразу все поднялись и стояли громко, долго хлопали, поздравляя мальчишек из десантной группы. «Слава! Слава! И весь зал тоже кричал: «Слава! Слава! Слава!»

Мне в самую пору проплывали. Я смотрела на деда, а он, выбросив на кумачовый стол свои длинные, kostистые руки, так и сидел, уставившись в эти руки, и никак не решалась взглянуть в качающийся рукоуплечий зал. А потому... Впрочем, ты уже знаешь... Потом был мой позор.

Жизнь делает людей из самых разных любящих. Но неужели никогда не почувствуешь. Не начнешь ценить в жизни ничего, кроме наших потомков. Анюта в пионерском лагере. Письма приходят через день. Сумасшедшая, когда она успевает. Всего налипнуло. Л.

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ

Можешь нас поздравить! Мы выиграли. К этому еще трудно привыкнуть. Кречетов сидит на высокой табуретке, ноги заброшены на сушильный шкаф.

— Люблю сны, — говорит Костя и заразительно потягивается. — И кажется мне, уважаемые граждане, будто открывается дверь и долетает до слу-

ха моего бранной речи нашего незабвенного дяди Кречетова: «Кречетов... раз, два, три, всемье, двенадцать, четырнадцать, Курьер и тебе от министра... Вот тебе! А я не могу пойти! Кончил я с дверью! Да куда там! Он уж на меня настремился! «Ряд, познакомиться... — говорит. — Знаешь, вы и есть тот самый неизгадурный, свирепталанный Кречетов?» «Удивительная прозорливость... — отвечало. — Именно я... «Тем лучше, у меня к вам пакет...»

Ребята развесили уши. Пузанков и еще трое сидят на стульях. Лена Базовская ходит по лаборатории на ципочеках.

— Ну! — нетерпеливо требует Артем, хлопает себя по карманам, ищет трубку.

— Нда... И кладет он передо мной, ребята, вот такущую дешушу, аккурат в полстола. Стоя я против этого фармозона, пакет трогаю, и все же подымается спросить. Может, ошибки какая вымыслилась? Словес не сошлось не предзначается. А человек этот будто мысли мои читает.

— Не изволите волноваться. Вам лично. Прикажите вскрыть пакет.

Эх, думаю, была не была, мать моя женщина! Рядовой Пузанков, ко мне!

— Лейтенант... — недовольно бормочет Лешка.

— Будто других людей нет!

— Друга тебе пакет доверено вскрыть... а ты ты! — ищет в пакете... — Ах, там... пакетчик... метр величиной.

Артем Мерзильян громко выбивает трубку, продувает мундштук.

— Разорвал ты пакет и...

— Попрошу не суетиться. — Костя смотрит на часы. — Время обедать, коллеги.

— Старик, ну это же нечестно! А дальше?

— Черт с вами, хамят обидеться, но не могут. Разорвал ты пакет, Пакетчик пакет... Глаза свои не верят, там бумажники! метр величиной.

А на ершининских бумажниках, на пурпурном фоне начертано: «Назначить государственную комиссию по внедрению».

Мы слышим, как открывается дверь. «Шеф», — одними губами обозначает Мерзильян. Подхватываем стулья, расходимся по рабочим местам.

Иван Сергеевич, — звать членов комиссии, — начинается, когда он не идет в кабинет, а приходит. Профессор говорит свое синхронное «адресовать». Мы раскладываемся: «Добрый день, профессор. — Добрый, добрый, — соглашается Иван Сергеевич.

— Прощу всех ко мне. Сядьте на предаваемо, потому же. Подобную весть дозволено выпустить стакан. Вчера вечером я был на приеме у министра. — Иван Сергеевич сидит в кресле.

— Не знаю, почему, но наши головы, как заводные, поворачиваются в сторону Кости.

— О, Кречетов, — бормочет Артем.

У профессора подвижное, широкое лицо. Решительный взгляд Бровей. На круглой лбу накатывается несколько тяжелых, глубоких морщин. Иван Сергеевич удивлен не меньше нашего.

Мы слышим виноватый взгляд Кости.

— Ну, и болтун же вы, Константин Макарыч. Прямо феномен какой-то... — Кирилл Андреевич со мной ездил, и ни-ни. А вы... изы... изы...

Костя прижимает обе руки к груди:

— Профессор, моральный фактор. Исклучительно в благородных целях... — в общем-то. — Иван Сергеевич поправил очки. — Ладно, — сказалось больным. Был его заместитель Чайнов, разбитый малый. Всю дорогу он выяснял у меня, давно ли я знал министра и где нам слушалось работать вместе. Под конец не и вытерпел:

— Да успокойтесь вы ради бога. Нигде не работали.

Затем послушен лицом, и в разговоре стал проявлять редкую одноголосность.

Министр не заставил ждать, принял сразу. Помощник министра, молодой мужчина, лет тридцати семи, с ранней, но уже крепкой сединой, улыбнулся.

— Министр рассказывал, как вы учились вместе, профессор. Он был очень рад вашему звонку. Извините, что стоял улыбаясь, как бы ему предстояло сделать одно открытие, что лично он учился с помощником министра...

Закончил свою речь, Иван Сергеевич обнял меня за плечи:

— А вы молодец, Кирилл. Ливеровский мог очень помешать.

— Но от моих помочь... — разразил я.

— Мог, согласился профессор. — Но его тоже на меня смотрели...

Нам выпадал завод?

— Да, вчера мне уже звонили с «Красного дежава».

— Значит, победа.

— Нет. — Профессор принял старательно маскировать виски. — Мы выиграли по очкам первый

раунд, мой друг. Всего-навсего первый раунд. — Надеюсь, мы выступаем как любители, профессор... — Это говорит Мерзильян, наш неразлучный Артем, попыхивая трубкой.

— Не понял вас.

В чем идет о количестве раундов, профессор. В любительской боксе их только три.

— Но-но... не будем загадывать.

* * *

Не хочется принимать на себя вину и не потому, что боишься этой вины или остаешься к ней безразличным. Искренне убежден, твоей вины нет.

— Ты помнишь судью? Соня, молодая женщина, с тихим, задумчивым лицом. Ее всегда смотрят на нее, хотя понимают: мой взгляд ей мешает.

— Не передумали?

Судья жалела нас. Ей не хотелось говорить тех обязательных слов, которые неминуемо придется сказать.

— Не — выдыхнула я открытым, словно твой ответ подразумевал наше общее согласие.

Судья поклонилась к одному из заседателей, и опять лицо поднялось к лицу. Улыбка получалась грустной, усталой.

— А — я.

Очевидно, до этого вопроса я еще на что-то надеялась. Нет, я была уверена: во всем случившимся есть какая-то придуманность, тайна, которые дурачат нас, вводят нас в заблуждение.

Я обняла совершившую сухие губы. Судья помяла кисти, а я смотрела на нее, пока она смыкалась. Судья помянулась влево, затем вправо. Судья встала, вместе с ней встали заседатели...

Потом я часто вспоминаю этот суд и зал, сдавленный и премиестий, похожий на подвалы помещений. Оставалось удивляться, какими образами эта зала оказывалась здесь, на пятом этаже. И потому, что в зале было слишком много, и даже окна, землистого цвета, почти закрытыми, многосторонними окнами. Мне показалось, что в таком зале все люди должны смотреть на подполья, быть элыми и непривычными. Я и вспомнила людей. Их было четырнадцать. Они сидели просто так, а один из них, совершенно чистый, чистый газетой, не поднял головы. Как это надо принуждать на него внимание, чтобы даже не обратить на него внимание! Я еще не знала, что следующим спустилось скандальное дело на наследство и все они пришли на это дело. А наше было «как в комплекте» с ними, и его тоже приходилось слушать.

Тогда я все время думала, что на суде мне зададут вопрос, что я знаю? Но виноваты? И слава боялась, что я отвечу.

Кто виноват? Мы оба правы. В том и беда. Ни один из нас не сумел подняться выше понимания собственной правоты, не сделал шага на встречу, чтобы понять право другого.

Р. С. Достал немецкую мазь — выводит веснушки. Последний раз Анюта мое говорила об этом вчера.

Утешал, как мог. — Ты виновата. Я бы был на твоем месте... И слушать ничего не хочет. «Тебе спрашивают, — веснушки рвутся!» Отвечала: «Очень... «Ну, вот, оставайся на своем месте и носи на здоровье. А мне мазь достань».

До встречи. К.

* * *

Они по-прежнему живут в одном городе. Попрощались с друзьями, остались на старом знакомом. У них и друзья осталась те же самые.

Если и говорят, то только о сегодняшнем, не о вчерашнем. Ольга и Мирон Ворчаки, как-тох вспоминают прошлой?

Я их как-то видел вместе. Нет-нет... Обыкновенный деловой разговор. «Как у тебя?» — «У меня по-прежнему...» «Ну, а ты?» «Грызу науку».

Потом они прощаются. Я смотрел на них со стороны и думал: «Смешные, ненормальные люди. Письма были и, наверное, еще будут. Да разве все нормальны?..»

Не ждите, — говорят. «Померьте, — жестом. «Мы же не заслуживаем».

Каждую неделю Кирилл приезжает к дочке. Перед домом, нахолхившись, сидят старушки. Уважительно здороваются с ними.

— Опять в семинацию?

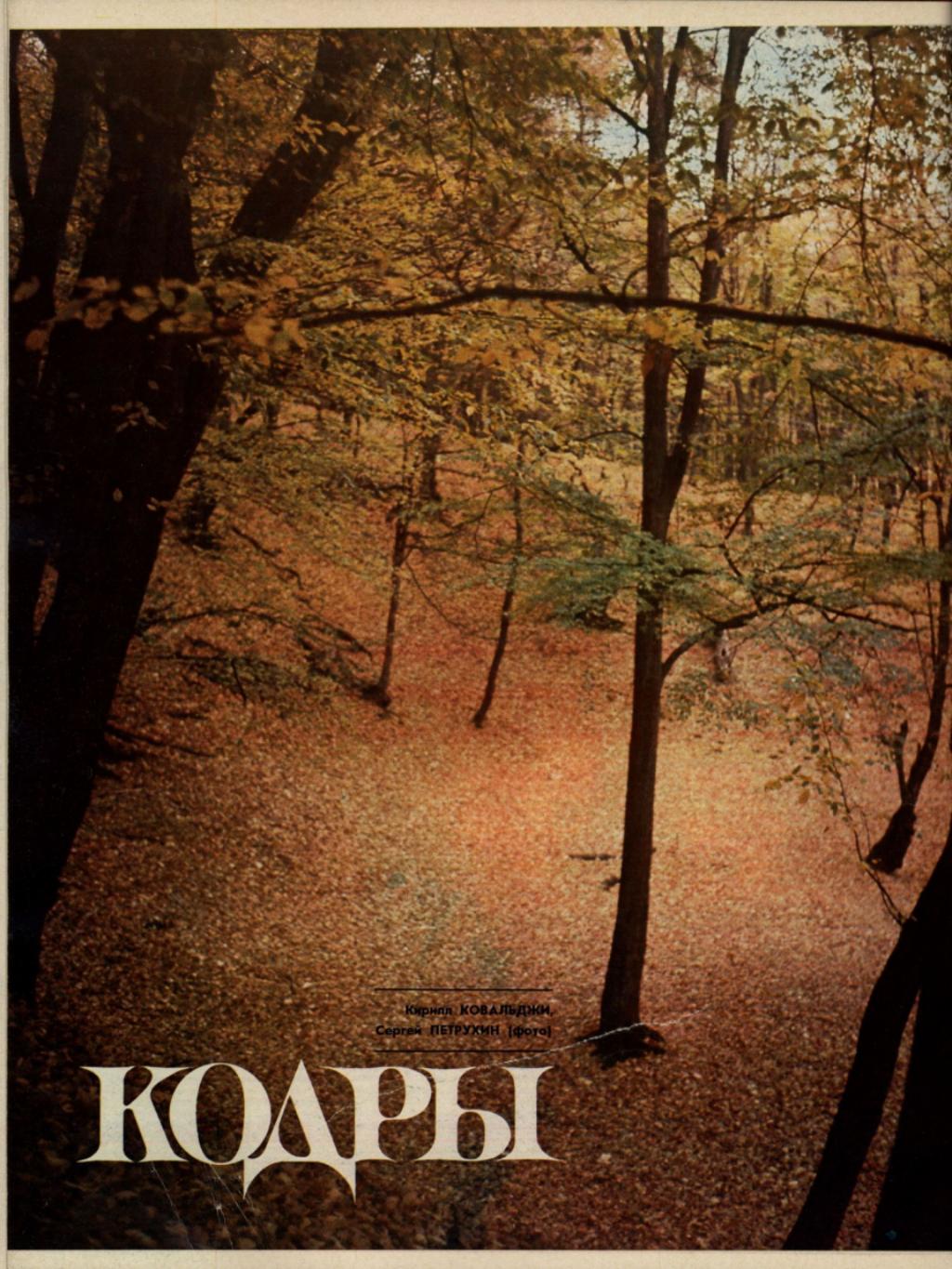
— Да, — Кажется неделе приезжает.

— Да, — Видимо, незрящий человек...

— — —

— Ниче-о-о. Баба аккуратная. А вт, подожди, удачи нет...

Постоял, послушал. А мысли покоя не дают. А что? Может, так и должно быть?.. Может, они и есть счастливые люди.

Кирилл КОВАЛЬДЖИ,
Сергей ПЕТРУХИН (фото)

КОДРЫ

Красота родной земли

Искусство толкует слова лучше любых словес. Оно владеет, так сказать, методом живой пересадки из почвы в почву. Поэтому не удивительно, что слово «дойин» вошло в общеславянский обиход благодаря «Любви», то есть знаменитому молдавскому роману, дополнившему до тысяч и тысяч сердец неизвестными своеобразие народной песни...

Поэтому москвичи увидели сначала театральную афишу «Каса марея и услышали от друзей-знакомых, что обязательно надо посмотреть эту драму Иона Друць. Потом им открылся и смысл самого названия пьесы...

Лет десять назад прошёл по экранам фильм «Атаман Кодры». В переводе на русский язык несколько иначе

называли вышел роман И. К. Чобану «Кодры», а с недавних пор в киосках «Союзпечатки» появился литературный журнал «Кодры», выпускающийся в Кишиневе.

Как понять это слово? Почему и оно не переводится?

Спросите об этом у молдаванина — он обязательно помедлит, глядя на вас, и скажет, что не звонившая, расположенная ли вы к обстоятельному разговору или не очень.

Если вы торопитесь, то «кодры» — это лес.

Только и всего! Значит, переводится!

Но постойте, «пэдурэ» — тоже лес.

Синимины! В том-то и дело, что нет. «Пэдурэ» лес вообще, он может заселен, где угодно в любой стране, в кодре, в яблонке, в вишне, это именно молдавский лес и никакой другой. А что значит молдавский?

ЕЕ РОДНАЯ — КОДРЫ.

ГЕОМЕТРИЯ ХОЛОМОВ.

ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР, 25

Виктор СМИРНОВ

Виктор Смирнов — лирик по рожению, и юнгид от него эпической объективности не приходится. Дерзкий, яркий, дерзкий, искажает его лучшим впечатлением, и он будет, наверно, писать о нем или отсыпаться на него до сномного вечера.

Я говорю о драматургическом творчестве Смирнова, которое может создавать впечатление его полной беззобачности. Нет, детства было достаточно, чтобы вспоминать о нем в военные и сразу послевоенные годы. Отчечтываясь хорошим стихотворением о нем, я могу сказать, что «одаренность начинающих литераторов» свидетельствует об этом. Но природная доброта поэта такова, что даже если его талант и не будет в нем разве лишь грустную узбульку.

Стихи вообще чутко чувствуют природу. Это дает им возможность создавать пронзительные лирические образы, которые заражают именно на такое обостренное восприятие.

Сергей НАРОВЧАТОВ

Два года жили мы без крова.
Как было нечего копить,
Что тогда мы продали корову,
Когда хотели купи.

Хлеб сразу стал новушкинским,
Ведь не во что его макать...
К тому же боялся коровка
Нам не давала молока.

И не поехала на корову,
При детском трепетном рывке
Немедленно, —
как капля крови,
Она сплюзнула по руке.

Тогда мы рано спать ложились:
На сено не гладко. Легко...
И мимо хаты,
по ложбинам,
Текло туманом молоко.

лес! Достаточно ли знать, что это не хвойный или березовый, а дубовый, буковый, грабовый? Тогда и вспоминается и скажет как бы всхюзка:

— Да ведь корды не только лес или пуша. Это и горы, но не горы... В общем, одни-другие словами не обойдешься, давайтесь приседом, по-говорим по душам, никак никан нельзя, потому что корды — часть молдавской души.

Издатель в одной книге, изданной в «Географической серии», целый раздел назвал: «Корды — сердце Молдавии».

Не хватило географических

терминов, пришлось прибегнуть к поэтической метафоре, чтобы обозначить суть непростого понятия, в котором глубоко и счастливо сочетаются природа и история, и поэзия молдавского народа.

Итак, первый смысл слова — родной лес. Второй, более широкий [тогда Корды пишут с прописной] — название лесистой возвышенности в середине республики, но не точек в центре, а [если посмотреть на карту] лесистой возвышенности.

Эта местность поразительна по своему красоте. Издали на горизонте встают светло-зеленые и темно-голубые огромные волны фантастического моря — да ни дать ни взять настоящие горы [помните, корды — это горы]. Вы будете удивлены, узнав, что это горы, что каменистый городы там не бывают, что это не горы, а земли, плодородной молдавской земли. На склонах — леса, сады, виноградники. В долинах — реки, села и сплять же леса, сады и поля. Ужас, темная теснина, небо, заставленное

в мире, где дымят пожары, где сорится страна с страной, нам так хотелось, чтобы дышала Своя корова

за стеной!

Когда-то я любил снегок, тот, первый, чистейший, пушистый.

Летит он тихо на лужок

Из вышин небесной мглистой.

Мне сквозь него видна соседка,

Что на крыльце свою стоит.

А он, как белевая сетка,

Меж небом и землей висит.

Махнув рукой на простуду,

Шмыгают деды в пиджаках.

И желтая трава посыпку

Белеет прямо на глазах.

От счастья никаку не деться,

И много я нужно для него,

Когда так празднично на сердце

Уж от снега одного...

Где ты, веселая соседка!

Мне до сих пор не все равно.

А снега реденькая седка

Уж превратилась в полотно.

И начались такие страсти —

Хотя из ныбы выходы.

Но первый снег, он, словно

счастье,

В любую пору — впереди!

Гремит порожня телега

Морозной осенью вдаль.

Как скучно без любви, без снега!

Ну, милый мой, давай валки!

Пусть в воздухе повинст сетка

И неенно обволеет лицо.

И, может, прекрая соседка

С улыбкой выйдет на крыльцо.

Южнее Кодр проходит верхний Троянов вал, называемый так по имени великого императора, покорившего Дакию в начале второго века нашей эры.

Дашли же о его легенде до Кодр, неизвестно, да и не важно. Империя со всеми своими легендами именем числа с лица земли, а римская культура отступила. Культура же дальше вояж и живет дальше.

И вышло так, что разговорная, народная [так называемая «вульгарная»] латынь объединила потомков даек, гетов, скифов и переселенцев из разных мест. Она стала языком общения и общениями, языком племени и любви, языком простой подставы и любви, языком простой подставы и любви.

Да и другое слово будильник проходит дверью. Кого только здесь не было! Волны десятков племен в полу переселения народов прокляты по этому опустошенному краю. Местное население надолго сошло с сапог. В течение ряда столетий о нем не было слыху. Кто же это? Оно подевалось! Только через тысячу лет появляются свидетельства о существовании местного населения, говорящего на языке, отдаленно напоминающем латынь. Каким чудом сохранился этот язык? Невероятно думается о непроходимых, дремучих лесах способных укрыть остатки ма-

но, видно, не дождаться снега. Погода всякая стоит. И лишь пороки телега, Как запоздавший гром, гремит.

Геннадий АЛАМИА

Стихи Аламиа трудно переводить на русский язык. Даже при хорошем знании албансского от этого инкудита неизбежно остается чувство виноватое: виноват в своем творчестве в национальные традиции. Аламиа, современный поэзии, неизвестен в своем родном языке. Грустность перевода объясняется тем, что раз эта уловимость неизбежна, то громко ее выражать, когда поэт не отыскивает демонстраций от предыдущего художественного опыта. Он пишет о своем времени неизложимо, говорит свою дело и продолжает поиск.

Фазиль ИСКАНДЕР

Земное притяжение
Не квакому дано.
Мертвые в земли
С земли зари.
Живые, зная зодиак:
Долины мы всяки час
Нести земные тяготы,
Что целиком на нас.

На близкого днлага позже оно,
Черное море — синее море.
По горькой обидно смущено,
По светом захлестнуто на просторе.

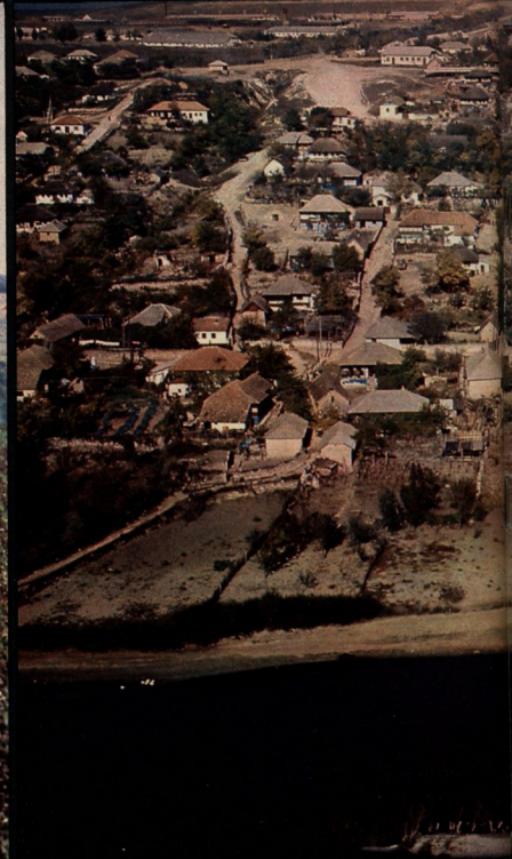
Лодка довершила морю к ват
Подняла к небу высокий лесом.
В бедну с пловцом заодно упадет,
Море, пугаешь ты нас глубиной.

Лес, способных укрыть остатки ма-
ночного чистотенного народа в
своем величественном зеленом цар-
стве. Недаром в молдавской фоль-
клоре живет необычное обращение к
Слову: «Твое величество». И как тут не вспомнить строки из «Сказки о Лесе,
М. Энниси, строки, которые молдав-
янин знает с детства:

Лес — великий самодержец,
Престарелый, многоглазый,
Сколько поданных лягут
Под рукой его держанной!

Я привожу перевод Е. Мирикис-
я, а, кстати, последняя строка в ори-
гинале звучит так: «Бодруль, Мири-
ки, Слову, — сознайтесь дословно:
Слову, Его Величество!»

Из тех темных столетий, под этим языке до нас не дошло ничего, кроме самого языка. А разве этого мало! Прислушайтесь к молдавской ре-
чеси. Ты угледишь множество знакомых слов — оказывается, языком более
известного, чем русским. Молдав-
ские слова, связанные с бытом, обра-
боткой земли, мирным трудом. Пов-
торяясь, десетки племен и народов прошли через эту территорию, а молдавие не сохранили в языке ни-
какого воспоминания о них. А вот славянские нормы плавно и органиче-
ски влились в языковой поток. Молдав-
ия, сроднилась с ним. Даже не будь археологических доказа-
тельств, мы только по языку догада-
лись бы, что предки русских и мол-
даван веками мирно сосуществовали
на этой земле в те самые темные ве-
ка, предшествовавшие появлению первых средневековых государствен-

ТИХИЙ ПОЛДЕНЬ, ГОЛУБЫЕ ДАЛИ.

лучаешь на руки в руки свободу и право на будущее...

Ох, как нелегко и непросто: уж не следуючи ли мы на свободы моего поколения! Постаревшие глазами глядели на закопченные руины, на застывшее в странных позах трупы своих близких и родных, на черные крылья со свастикой в небе.

Еще три года — они были длинней десятилетий! — пока опять сквозь горы и дым разглядели мы солдат со звездами на касках... Радость была, пожалуй, глубже, чем в сороковом, но рядом стояло горе: неостынившие могилы, черная разруха...

Нам было лет по пятидесять, когда кончилась война. Мы уже не думали, что мир и право на будущее — это подарок. Мы, дети военных лет, заплатили за это отцами и братьями. Уже эти годы, с ощущением какой-то полноты златистого сена, время тревожное и непростое, оно потребует от нас напряжения ума и воли, придется испытать перегрузки не только в полетах на мыны планеты,

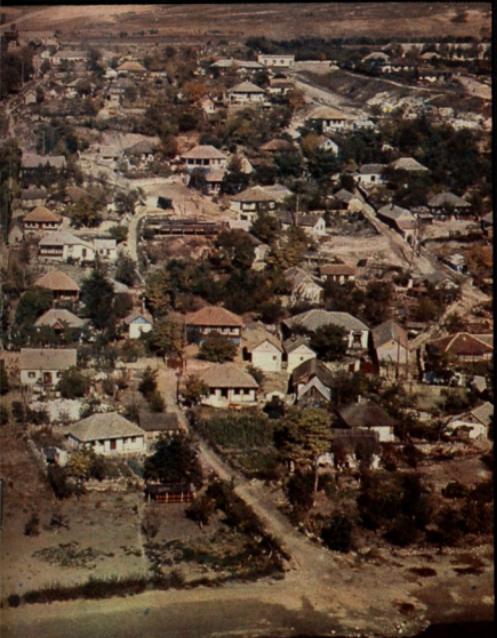
но чаще всего здесь, на земле. Следующие поколения вступают на землю в счастливую пору — пору рождения нашей страны — от Притяжки Тихого океана. Однако, завидуя им, не прибываются. Что будет — зависит от нас, что было — при нас,

— вместе с краем родным,
где с дубами и грабами
непреклонные высажены буки...
Обнимают мою Бессарабию
две руки —

материнские руки.

Я без устали молод,
мне легко и простою,
на отцовской земле,
где над жизнью, над памятью
материнские руки простирты
и в разлуке воинской
проглаты не можу ко мне.

А как же Кодры! Не слишком ли далеко ушли нас от них ируги ассоциации! Пожалуй, далеко. И все рав-

ЧЕРНЫХ ДЕРЕВЕНЬ И ПОСЕЛКОВ.

ЩЕДРОСТЬ ВОЗДЕЛАННОЙ ЗЕМЛИ.

но остается ощущение, что успел на-
бросить лишь вступление к Кодам, что много-много еще не сказал —
хоть сядь и пиши роман или поэ-
ем... Или прошлогою порою Сер-
гия Чехова не откладывая в долгий ящик отправляясь в Молда-
вью к самолично умножить пути про-
должения знакомства, путя заронде-
ния сердечной дружбы, взаимопони-
мания и любви. Как раз и лета на
дворе, окунавшись все в туристские
гоготы Докучаевки, Кодры, Синевир-
ского озера, гостепримно встретят
вас, как дано великое умение смыг-
жать жару и зной, радовать глаз не-
истощимым разнообразием.

Вы встретитесь с людьми сего-
дняшнего дня Молдавии, винограда-
рями и танцорами садов и виноград-
ных, грачами и птицами прославленных
козлов. С красноречивыми имена-
ми — «Ваца ноузи» [Новая жизнь],
«Биорунца» [Победа]. Вы увидите
совохоз- завод Криково с многочи-
метровыми подвалами-хранилища-

ми — подземную столицу молдавских
шампанских вин, и украшение Кодар
— рощи греческого ореха, целиколовых
деревьев и виноградников. Капризный
мистер, возведенный, по преда-
нию, на том месте, где Штефан Ве-
ликий разгромил полчища турок, и
современный санаторий «Молдова»,
и знаменитый совхоз-улицыще вино-
градоводства и виноделия Гратеш-
чики, обладателя многих международ-
ных премий и золотых медалей.
Старые Редены обелиск в память
умершего здесь русского полковод-
ца Потемкина-Таврического, и беско-
ничные шпалеры новых виноградни-
ков, кипен садов, молодые посадки,
и любовно огороженные в Кони-
нинском лесопарке дуб, которому
перевелико 250 лет.

Поглядите у его подношья, вспыхива-
ющей в шелоте его листьев — он расска-
жет вам о бытом, о нынешнем и о
будущем: ему далеко видно, и он
намерен долго еще красоваться под
ярким солнцем, стараясь обнять всю
любимую землю...

Литературный анонс

Иван ЕФРЕМОВ

ОТ АВТОРА.

Роман «Танс Афинская» основан на известном по античным источникам историческом эпизоде: сожжении Персополиса знаменитой афинской гетерой, участвовавшей в походе Александра Македонского.

Выбор эпохи для настоящего романа сделан не случайно. Меня интересовало время Александра Македонского, как переломный момент истории, переход от свирепого национализма пятого-четвертого века до нашей эры к более широким взглядам на мир и людей, первым проявлением общечеловеческой морали, появившимся в третьем веке со стихами и Зеноном.

В то время человек по месту своего рождения или постоянного жительства получал как бы второе имя: афинянин, беотиец, спартанец. Поэтому в романе читатель будет часто сталкиваться с подобными полиглоссиями.

Мне представлялось интересным показать древнейшие религиозные культуры — остатки матриархата, связанные с великой женской богиней, которую исчезают, точнее, теряют замечательное влияние в эпоху эллинизма.

Поэтому главное действующее лицо должно было быть женщиной, достаточно образованной, чтобы, не страдая узким религиозным фанатизмом, понимать происходящее.

В эпоху Александра такой женщины могла быть только гетера высшего класса: Танс, как реальная историческая личность, как наставница греческого философа Гиппона, особенно афинские, были женщинами выдающимися образованием и способностей, достойными подругами величайших умов и джентльменов искусства того времени. Самое слово «гетера» означает «подруга», «товарищ».

Плохую услугу гетерам оказали Лукian Самосатский, предавший поэтическому осуждению многие древние обычая и выставивший гетер как вульгарных блудниц, а Афродиту — богиню разрата. К сожалению, эта традиция подчинила себе многих последовавших за ним авторов.

Современному читателю может показаться чрезмерным изобилие храмов, статуй, преувеличенно значение художников и поэтов... Следует знать, что вся духовная жизнь того времени проходила сквозь искусство и поэзию, в меньшей степени философию. Олена не мог представить себе жизни без любовных подсказок, мечтательно предметами искусства, созиравшими прекрасные постройки для психической разрядки и отдыха. Нечего похожее мы видим в современной Японии: созерцание камней, цветов, самоуглубленное слияние с природой в чайных домиках над потосовыми прудами...

Еще большее значение имело для гетер созерцание человеческой красоты, прежде всего — в живых людях, а не только в статуях, картинах и фресках. Очень много времени они посвещали своим атлетам, гетерам, танцовщицам. Значение художников, как воплощителей красоты, и их живых моделей было огромно и не имело аналогий в последующих временах и странах, за исключением Индии, в первом тысячелетии нашей эры.

Полностью роман «Танс Афинская» подготовлен к печати в журнале «Молодая гвардия».

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Александр позывал на пир, кроме своих друзей-военачальников, избранных друзей, историков и философов, еще восемь человек высшей пробы.

Странно, однако, никого из женщин, кроме Танс, не привнесли сюда, в тронный зал Ксеркса, где за столом собирались все командование победоносной армии.

Платформы с громадами белых дворцов чернела обрывом в тридцать погонь высоты под звездами ранней южной ночи. Сквозь зубчатое ограждение террасы пробивались широкие лучи света от плясавших в бронзовы котлах языков пламени горящего масла.

Поднимаясь по широкой белой лестнице в сто ступеней, Танс чувствовала, как нарастает в ней смешанное с тоской лихорадка и страха, перед выходом в священном танце. Она уединилась в восточных горах в отсвете звездного безлунного неба. Солнце засияло разорвалась перед ее мысленным взором. Она поклонилась, заполненная золотом солнца и сосен Элады, устремив взор вспять, и плеск чистых ручьев в обрамленных, мицкими щельями; белье, развязав, бронзовыми статуи нагих богинь, богов и героев, яркие краски фресок и картин в пинакотеках, жилых домах. Прошла босыми ногами по теплой пыли каменистых тропинок, спускающихся к лазурному морю. Кин-

РОК
ПЕРСЕПОЛИСА

нулась, как в объятия матери в детстве, в волны, несущие к благоуханным лестры берегам то ласковых нерен — девушек моря, спутниц Тетис, то бешенных коней Посейдона, раззывающих пенные гривы в шуме ветра и грохоте валов.

— Танс, онинсы! — ласково притронулся к ее обнаженному плечу Леонтикс.

Африника вернулась на платформу дворцов Персеполяса, под сенью огромных кипарисов, бичев Кесариса плавникою. Вздрагнула, гетера поняла, что простодола здесь, несколько минут, пока терпеливый тессалиец решился напомнить, что все собирались в столовом зале Кесариса. Танс прошла на сквозь притворную постройку с четырьмя колоннами и тремя входами по 25 ложкей высоты, минуя выход направо, к апандионам и дворцам Дария. Она направилась по краевой дорожке снаружи стены северо-восточной части платформы, где расположались помещения Кесарисовых дворцов и сковорница. Здесь она не боялась, что на ее чистейший белый наряд покроются от ограждениями из красного дерева. Но вдруг, охваченная дикой взволнованностью, вертигиналью, и сакса на летело по сторонам. Леонтикс пошел направо, по дорожке из плит свающегося известняка, через не законченный постройкой четырехколонный павильон, на площадку перед тронным залом Кесариса. Широкий портик с шестнадцатью тонкими колоннами также освещался чашами. Тут горел барабан жир, не дававший ни запаха, ни копоти и употреблявшийся первыми для светильников во внутренних помещениях. Танс вошла в магний полусвет гигантского зала и остановилась у одной из ста колонн, которые, несмотря на прорубленную в них нишу, заподлицо с полом. Задорный узор на поле, ярко освещенный и установленный столами, заполнила шумная толпа слуг и музыкантов, из-за которых Танс не сразу увидела припирающиеся. Группа девушек-флейтисток расположилась между колоннами. Другие музыканты устроились в конце линии столов, у крайнего ряда колонн, за которыми виднелись колышимые сквозняком тяжелые занавеси на высоких трехстворчатых окнах. Танс глубоко вздохнула и, подняв голову, вышла на свет множества лампинов и факелов, прикрепленных к стекам. Приветственные крики и хлопанье в ладоши взорвались было, когда она прошла мимо. Ощущение неожиданности, которое она испытывала, исчезло на несколько минут, как бы предлагая всем, попробовать себя собою без надменного величия, всегда требующего унижения и умаления другого человека. Танс предстала перед припирающими с великолепием чувством внутреннего покоя и достоинства, которое дает возможность не бояться хулы и не преодолевать смущение заносчивостью.

Гости Александра избалованы доступностью женщины. Огромное количество пленных, рабынь, музыкант-алютрий, вдов, перебитых первос, любого возраста, нации, цвета кожи, на любой вкус неизменно испортили отношения между Египтом и Македонией. И Эллада, и Македония, и Азия, и Африка, и Малая Азия, и Индия, и Китай, и Каппадокия, и Карида, и Кипр, и Крит, и Крито-Карийские македонцы. Но Танс, известная гетера, была куда более недоступной, чем все женщины в окружении македонской армии. Перед лампинами, освещенные насквозь через тончайший хитон, улыбаясь, она попрощала некоторые волосы и затем неторопливо пошла к подиуму трона Кесариса, где восседал великий полководец. В ее походе торжество женской красоты и наслаждение собственной гибкостью сочетались с той стройностью линий, которую воспел поэт в гимне о Калиирое. Плавные изгибы струились от плеч к ступням, словно стекая по твердому полированному камню ее тела и «сплели движением», как это говорил Калиирон.

У легко восплеменявшими красотою злившихся дыханиях замирало и глаза следили за каждым шагом Танс. В расцвете неполовых двадцати пяти лет, она обладала той древней красотой, которая не имеет возраста.

Персы, никогда не видевшие Танс, сразу поняли, что перед ними — склонившие Эллады, где множество поколений, преданных здоровью и нелегкому труду землемедельца на скучных морских побережьях, не имели с природой, созданной великолепием общения, равных. Они не знали, что в Танс было примикие чего бы драматиче, тоже здоровой и сильной крови морского Крита, родственников и современников предродителей народов Индии.

Танс уселись у ног Александра, рядом с Птолемеем. Пребравший ее появлением пир возобновился. Только что гонец привез донесение, что казна, захваченная в Сузе и Персеполисе, прибыла благополучно. По предварительным подсчетам, в распоряжение Александра оказалось больше ста пятидесяти тысяч талантов золота, серебра и драгоценных камней, сорока тысяч талантов. О том, что это было, не могли знать даже те, кто был с Элладой. Шестьсот тысяч жизней этой Македонии могли бы быть богатырями на несколько поколений. Если всю эту массу богатства перевезти в страны Эллады, Македонии, Ионии, то оно обесценено бы все состояния и разорило бы всех имущих. Александр решил хранить добчу за семью стенами.

Еще одна радостная весть: крепити, разведчики севера, донесли, что Дарию не удалось собрать большого войска. Две тысячи наемников, три четыреста легкой кавалерии не составляли угрозы для победоносной армии. Добтыя врага и покончить с бывшим царем царей теперь было сравнительно просто.

И опьяненные неслыханными победами, восхищенные гигантской добчей, множеством рабов и просторами лежавшей в покорности страны, ветераны македонской армии неустранно поднимали чаши, славы великого Александра, хвастая победами, проливая внезапные слезы о погибших товарищах.

А двадцатишестилетний герой чудовищных сражений, повелитель Египта, Финикии, Сирмы, Малой и Великой Азии, пьяный своей силой, успехом, вином и еще более великолепием золота, с гордостью и блеском, смотрел на золотые с синей эмалью подлокотники трона грозного опуштителя Эллады. С беспечной улыбкой, склонившись к Танс, он спросил вполголоса, почему она в простом наряде.

— Разве ты не понял? Я только что похоронила...

— Кого? Что ты говоришь!

— Царица амазонок и... свою любовь, — сказала слышно добавила африника. Александр нахмурился, откинулся на спинку трона. Птолемей подумал, что царь разгневался, и, чтобы перебить разговор, стал громко просить Танс становиться.

— Здесь негда. Я лучше сплю, — ответила гетера.

— Спать, спать! Танс будет петь... раздались восхищенные взгляды со всех сторон. Шум стих, сильно опьянивших соседей утихомирили пикниками. Танс взглянула на музыканта семиструнной китары с колокольчиками и запела under-ным гекзаметром старинный гимн о персидской войне, о соколенном Афрас и боевой клятве не служить никем, кроме вояни, пока не будет выброшена с моря. Яростная мелодия Танс пронесла с таким темпом, что многие пикники склонились с мест, отбивая ногами такт и раскальвая о колонны ценные чаши. Вскоре весь зал загремел боевым напевом иско-

Лето

В лунах исленского солнца
скульптура физиогра Мине Грузини
и другие работы мастера. Картины
в Тбилиси кажутся серебряной.

Сверкает меч в ее опущенной руке —
для друзей, для созадателей, для
модели, которым славится
Тбилиси.

Мы идем и наблюдаем за городом,
к Тбилиси приходит модельер по
узким улочкам старого города. За

стеклянными окнами-витринами
видны ковры, кружевные скатерти,
обувных дел мастера, ювелиры...

Наверное, и десятки и сотни лет
наши предки, живя в этом «городе мастеров» восхищали

самобытное творчество грузинских
художников. Их работы, как и у лавочкин художника, он мог увидеть
наряды для избранных, моду для

ателье, в антикварии, магазине
новинок для всех. С сегодняшним

днем в Тбилиси началось новое
затмение для всех. В этом городе

элегантных, чутко отзывающихся
на перемены моды людей.

Из этого города — это

своего рода центр хорошего вкуса,
который определяет развитие моды
в Грузии и в мире на протяжении

этого года. Здесь трудятся и молодые

выпускники Грузинской Академии

искусств, и опытные художники

французской моды, как Жак Эстераль
и Гиймо Роши, аплодируя таланту
местных модельеров и грузинских
мастеров, сумевших в современных
моделях подчеркнуть национальную
традицию.

А сегодня эти модели, которые
показывали нам Лени Хадзелидзе,
главный художник по костюмам и
руководитель Дома моделей, стали
наиболее продучнейшим
стремительно развивающимся швейных
фабрик.

Что же предложили художники
моделиям Грузии в 1972 году?

Сейчас самые популярные
стиль, одеяния спортивный, —
спорт, спортивно-спортивный, —
показывала середина лета. Сергея,
промышленного и горнолыжного
трикотажа, который носят в сочетании
с юбками, брюками, а также поверх
из шелка, хлопка, шелковых кружев.

Особенно популярны брючные
одежды. Появились в Тбилисском
Доме моделей и такие модели, которые
разрабатываются для каждого нового

сезона. Например, предлагают насыщенные ансамбли
и однотонные брюки и многоцветных

швейных изделий. В гамме подиумных
расцветок преобладают белые, синие,

красные и даже черные тона
(«Грузия», как и раньше, не
отказывается от ярких цветов),

одинаково популярны и темные
одежды, как и раньше («Цвет»).

Одна из наиболее интересных
новинок грузинской модернизации —

молодежная гардеробная, спортивная,

мягкого, хорошо сохранившего

форму, одежда, винтаж, отличающегося от замши. Гардероб

из спилка пусть разнообразен:

летнее пальто, украшенные шнурками

из цветной шерсти, длинные жилеты,

72

ПРЕДЛАГАЮТ ТБИЛИСИ И БАКУ

НОВАЯ ЖИЗНЬ СТАРИНОЙ
ДЖИГИТКИ.

МОДА В ЗАВОДСКИХ ЦЕХАХ.

**БРЮЧНЫЙ КОСТЮМ
«ПОБЛЮКИНСИ»
КРОВ И АРОДИНО «ДОНА»
В СОВРЕМЕННОЙ
«ПОЛУТРАПЕЦИИ».**

ШТРИХ К ВЕЧЕРНЕМУ ТУАЛЕТУ.

орнаментированный черной кокеткой и блестящими миражами, украшенными «припинками», шорты, короткие тунгурки, яркие сарафаны, открытое платья, юбки, вышивкой по мотивам национальной одежды.

Роды моды неразрывно связано с процессом дифференциации стиля. Поэтому, например, одежда для молодежи, как правило, отличается по силуэтам, конструкции, цвету, а главное, по образу от настолько симпатичных людей. Ну и конечно учитывается, что это — юноши и девушки, живущие в больших городах центральной полосы России, Приморья и Урала, переживающие перемены иначе, чем их сверстники в Закавказье или городах Средней Азии. Их интересует не только традиций народного костюма на современные одежду.

— Поговорим о вас, дочь VII Международного фестиваля молодежи в Москве, «Смена» — разработке, созданной самими популярных танцоров Грузии — аспиранте грузинского Политехнического института Г. Берадзе.

Сегодня Г. Берадзе, успевшо закончившись после написания дипломной работы в инженерно-технологическом факультете ГГИ, — директор Тбилисского Дома моделей. Его энергия, знаний, талант и творческое воображение на каждом шагу: начинают ли экспериментировать с новой хлопчатобумажной тканью, или с металлическими элементами. Г. Берадзе, дублируют на тонком шелковые поролон, осваивают ли новые технологии, как в производстве спортивных ансамблей из спанбонда, подбирают ли чеканные рахты и серебряные браслеты для

нарядных ансамблей из литьевой шелковой ткани (первой модели этого типа), новые ткани, созданные знаменитым художником Григорием Овчаруком. «Года берадзе» сподвигают союза креативных, и техногон, и наладчик машин...

Сегодня молодежь подбирает «разные» ткани, которые ориентируясь на три модных силуэта, — рассказывает Георгий Берадзе. «Стиль «политец-72» главенствующая роль принадлежит полуупримагающей силуэту, который отличается тем, что талия не расширена. Этот силуэт, как и классический прямой, развивает наиболее рациональные линии моды-71. Впрочем, не надо думать, что прямой

силуэт не подвержен переменам; сейчас он превращается по форме и позе, становясь элегантнее, а также меньше стал объем изделия. И в любое время года, когда модель заявляет о себе удлиненной линией, внимание моделируется с деталими кокетки».

Новинка года — «полупратеция». Ее «истоки» следуют в том же поп-априлаго-стиле, но будущее ее — в потоке «моды полупратеции» (с расширенной вниз, от линии груди), — молодые струются в этом стиле из-за мягкой линии, как бы примиряющей стиль спортивности и романтизма, рельефно ощущающейся в изысканных из плотных шелковых и шерстяных тканей, которые хорошо «деркают» форму.

Что же касается длины, то Грузине никогда не пользовались успехом короткие юбки или чеснусы длины юбок, которые раз в неделю показывает Тбилисский Дом моделей, представители торговли и промышленности, — оптимальная длина — за колено (это для тех, кому 30-40 лет), серединки колена или чуть выше — для молодежи.

На выставке в индустриальном зале начинается поиск новинок сезона. На повестке дня — «Лето — осень-73».

Вот группа так называемых «деловых» платьев. Адрес: утепление четырехметровой аудитории аудитория, нарядная белая отделка воротника и карманов преобразляет эти платья в деловые, а также полуторасторонние ткани в полоску. Мягкие линии, пречерчивающие силуэт, — это кокетливые карманы. Декоративные кокетки. Полосы различной ширинны, инкрустациями, мелкими, или широкими бирюзовыми, золотыми, — вот оформление в «стиле-72» строгих, иллюстративных моделей.

Помимо силуэтов, являются юноши и девушки в спортивных ансамблях для лета. Даже здесь чувствуется, что модельеры находят вдохновение в «погружении». В каждой модели, будь то брючный ансамбль из гладкого шелка, или спортивно-орнаментированных тканей, или летние платья — пальто из шелкового креплена, или монистик из шелковой ткани с яркими цветами, или юбка из ткани с хлопчатобумажными брошиами (адрес — отряды в Бакуриане, на Чиркве). Идея, которую можно ощущать, что мода многогранна.

Важная деталь. На поток попутно направляются модели, выполненные из материалов, которые есть на фабриках. Если добавить

верхниковых аттических слов. Сан Александр встал с трона, чтобы принять участия в тесноте. С последним признаком всегда помнить о злобе врагов и особенно спаси Мародеров! Тогда прокрутила китара музыкантам и села, прикрыла лицом. Александр поднял ее с локотя зевеню со своим лицом. Целую Танс, он сказал, обращаясь к гостям:

— Какую награду присудим прекрасной Тане?

Перебрав друг друга, военачальники стали предлагать разные дары, от чаши с золотом до боевого спона. Танс подняла руку и громко обратилась к Александру:

— Ты знаешь, я никогда не прошу наград и подарков. Но, если тебе хочется, разрешен сказать, речь и не гневайся, если она тебе не понравится.

— Да, Федор, — речь эта дружно засорили воины. Александр, весело хихикнув, выпил израиванского вина и сполна опустился на трон. Леонтикс и Гефестон распинисты место на ступе, но Танс отказалась.

— Человек не должен становиться ногами туда, где он ест. Это привычка ваарваров! Дайте мне скамью!

Успокоившие руки мигом поставили тяжелую скамейку, отделанную слоновой костью. Танс вскочила на нее, похопала в ладони, призвав к вниманию.

Она могла бы и не делать этого. Все взгляды были прикованы к ней.

Танька начала со слов благодарности Александру за приглашение. Птолемею Федору же за помощь в строительстве и чудесного коня. Этот конь дал ей возможность не только покорить весь мир, но и привести в мир женщин совершивший молниеносный поход в пять тысяч стадий до Персеполя.

— Этот город, — продолжала Танс, — сердце и душа Персии. К нему великолему удивлению, кроме сокровищ и роскошных дворцов, здесь нет ни храмов, ни сокровищ и философов, ни театров, ни гимнасий. Не созданы статуи и не написаны картины, прославляющие красоту и подвиги в образе людей и божественных героев. Кроме надменных, толстомордых быков — царей, принимающих дары и процессы раболепствующих и пленных,

здесь нет ничего. Чащи колонн по сорок локтей на платформе в тридцати локтях высоты — все это лишь для того, чтобы воззвыть владык униженных подданных. Ради этого здесь трудились искалеченные эллины, ионийцы, македонцы и фракийцы, толпу которых мы встретили! Ради этого сиреней скрипали со своим златом сатрапом прнес кровь и смерть в Еладу, дважды смигнув лицом родину Афин, увел в плен тысячи и тысячи искусственных мастеров нашей страны. Я знаю, что вы — люди, чьи победители, поверженные в приступлении, чьи поднату руки на создание человека прекрасное. Но если это сложит злыи власти! Тогда оно всего лишь обмы, ибо нет красоты без добра и света!

Танс простирала вперед руки, как бы спрашивая весь зал. Вонны одобрительно и грозно загудели. Гетера вдруг выпрямилась, как тетива.

Завтра вы уходите на север, оставляя в непреклонности обитателей сокрушающих вас деспотов! Неужели я одна нахожу в своем сердце по-материнской Афины? А вы — эти эллины, длившись до сих пор, следы которых были и были вечно венчаны кровью! Неужели божественный Александр нашел удовольствие уснуть на троне разорителя Элады, будто слуга, забравшийся в покой господина?

Голос афинянки, высокий и звездный, хлестнул словами, как бичом. Александр включил, будто ужаленный. Люди оцепенели. В зале слышалось прерывистое дыхание и потрескивание светильников.

Александр молчал, глядя на Танс, склонившую голову, как в ожидании удара.

— Что же ты хочешь, афинянка? — спросил царь таким львиным рыком, что закаленные воины вздрогнули.

Вся напряглась в звуке усилия. Танс еще раз поняла величие власти полководца над людьми, магическую силу его голоса и движений, подчиняющую беспрекословно толпы людей.

Танс подняла на Александра огромные горящие глаза и протянула руку.

Александр ЛЕСС

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС И Ф. И. ШАЛЯПИН В ГОСТИХ У А. М. ГОРЬКОГО, Петроград. 1920 год.

Фотография из коллекции А. Л. Лесса.

«Судьба»

Рахманинов показал Шаляпину только что написанный им роман «Судьба» на стихи Апухтина.

— Посмотри, Федор, эту вещицу, — сказала Рахманинова, как всегда, смеясь, когда дело касалось его признания. — Если понравится, может быть, включишь в свой реPERTУАР...

Шаляпин несколько раз внимательно просмотрел рукопись, а затем под аккомпанемент Рахманинова начал петь.

Сергею Васильевичу не понравилось исполнение Шаляпина.

— Федор, это не моя «Судьба», — он разочарованно и отгорячено. — Ты пойми, ты так, как мне слышалось, когда я писал...

Шаляпин не обиделся и спокойно отметил:

— Ты былованы судьбы, Сережа, и не знаешь, какой иногда беспощадно жестокой бывает судьба... А ведь именно это я хотел передать...

Но сказав более ни слова, он вышел из кабинета, оставив Рахманинова с самим себе.

Через несколько минут в коридорную снова вошел Шаляпин. Но это был уже другой человек. На узких плечах висел затрапезный пиджакишко, с угловатой фигуре, в неторопливых, как бы скованных движениях чувствовалась какая-то зловещая обреченность. Однажды привыкший пропеть комедию в конце — жалкий, надломленный, изможденный, с потухшим взором, со следами страдания на бескровном лице.

Неожиданно Шаляпин, «брюслив маску» и подошел к Рахманинову.

— Вот, по-моему, что такое судьба, — сказал он. — Понял?

Рахманинов влюбленными глазами

взглянул на друга и ничего не ответил. Говорить ему не мог: слишком долго было впечатление от этого чуда лицедейства.

— Бог с тобой, Федор, — после долгой паузы взволнованно сказал Рахманинов. — Очевидно, ты прав! Впрочем, с тобой опасно спорить: всегда придумываешь такие аргументы, против которых и разразится то нечего...

И Рахманинов «благословил» Шаляпина на исполнение «Судьбы».

* * *

Эту историю рассказала мне Ирина Владимировна Ходнина — внучка знаменитого баритона Павла Акинфиновича Хохлова, первого и лучшего

исполнителя партии Онегина, искусство и голос которого высоко ценил Шаляпин.

Рядовой спектакль

Счастливый случай свел меня в Ленинград с Леонидом Васильевичем Экзюперилем — братом бывшего управляющего академическими театрами Петрограда и Москвы Ивана Васильевича Экзюпериля.

Едва я переступила порог его комнаты, как сразу же почувствовал предупредительность и гостеприимство, свойственные старым пе-

тербуржцам. Влюбленный в театр, в музыку, в искусство, Леонид Васильевич, живя в одной квартире с братом, был невольным свидетелем многих его встреч с Луначарским, Направником, Глазуновым, Коутсом, Бенуа, Собиновым, и воспоминания об этих встречах живы в нем до сих пор.

На него просьбу рассказать о каком-либо примечательном эпизоде из жизни Шаляпина Леонид Васильевич в перешептывательности сказал:

— Что я могу добавить к тому, что уже сказано и написано об этом великом артисте! Правда, я хорошо знал Шаляпина, много раз видел его на сцене, наблюдал и в домашней обстановке, когда он приходил в

— Огни! — звонко вскрикнула она на весь зал. Александр обхватил ее за запястья, сорвал скамьи и поднял к стене.

— Быстро! — крикнул факел и подал гетеру, сам взял второй. Танк отстранился от притягивающего поклон.

— Не мне первой начать принадлежит тому, чей божественный разум и сила привели нас сюда!

Александр повернулся и повел вдоль стен Танк за руку. Два факела мгновенно подожгли занавеси на окнах, подвески и шнурки, легкие деревянные переплеты для цветов.

Безумие разрушения охватило сподвижников Александра. С воплями второгоря и боевыми кликами воины хватали факелы и разбегались по дворцам, поджигая все, разбивая лампы, опрокидывая чаши с горящим жиром и машины. Одновременно двери заскрипели, прикрывая лица. Нерасторопившийся Полтавец остался в коридорах.

Прошло всего несколько минут после окончания речи Танка, а зал Керкса, пустая сокровищница и помещение охраны были в огне. Подожгли и алтарды, откуда огонь перекинулся (или был перенесен) на жилье дворцы Дарии и Керкса и юго-западный угол платформы. Оставаться на ней не было возможности. Александр, не отпуская руки Танка, сбежал по северной лестнице на городскую площадь. Здесь, окруженный воинами-зажигальщиками, он стоял, зачарованный глаза на титанической пламени, взмывающей в небо. Баланс крыши и потолков, простиравшихся столетия, на сущем воздухе вспыхивало яркими горячими миражами. Серебристые края пламени, извиваясь у руки, словно вспышки, раскальяны лепешками в пыль городской площади. Пламя ревело и свистело, перекрывая вопли жителей, стоявших у края площади, боявшихся приблизиться.

Зевсодное небо, казалось, потухло. Ницо никогда не видел более черной ночи, окружавшей слепящий жар исполненного костра. Люди взирали на пожар с суверенным ужасом, будто не руки Александра и маленькой афинян-

ки сделали это, а силы подземного мира и ввергнутых туда титанов выразились на поверхности Ген. Жители города падали на колени в предчувствии большой беды. И действительно, ни Александр, ни его военачальники не ставили сдерживать воинов, для которых пожар дворцов послужил сигналом к грабежу. Вскоре отдельные очаги пламени стали загораться в черноте ночных срезов садов. Толпа ошеломленных горожан разбежалась спасать имущество от распавшихся македонцев. С раздирающим уши треском одно за другим стояли превращаться перекрытия, выбрасывая вихрящиеся стопы искр.

Александр вздрогнул и, очнувшись, выпустил руку Танка, онемевшую в крепкой ладони царя. Он устремился на гетеру пристальный взгляд, как после речи в зале, и вдруг вскрикнул:

— Уйди!

Танк подняла руку перед лицом, будто защищаясь.

— Ты знаешь свою слабость, побеждаешь их, и это дает тебе силу и власти над ними.

— Ты моя слабость — женщины! никто не говорит мне этого! И не мудро. Не в женщинах, а в боянственном-безумном стремлении ко всему недостойному даже потому — твое сердце. Ничего нет в мире неуподобимо прекрасному.

Ты уклоняешься от этой безнадежной борьбы, вести которую обречены лишь поэты и художники. Красота ускользает, как чайра горизонта. Ты выбрал горизонт и уйдешь туда.

— А когда вернусь?

— О! Ты знаешь лишь майры. Гелайнай, великий царь!

— Прощу тебя, останься пока здесь.

— Я поняла.

— Только поберегись, не выходи без охраны. Весь твой, кто сжег Персеполис, разнесется скорее и шире, чем скакала обезьяна!

Танк, не ответив, повернулась и медленно пошла в темноту. Позади, зорко глядя со стороны, неслышно кралась Элис.

ИЗ «РАССКАЗОВ О ШАЛЯПИНЕ»

гости к брату и часами пел под аккомпанемент известного дирижера и отличного пианиста Даниила Ильиника Похитонова... И тем не менее мне трудно сразу вспомнить что-то значительное. Впрочем, я рассказы овалы маленький эпизод, теперь уже ничего забытый. В нем, как мне кажется, особенно ярко проявилась гипнотическая сила шляляпинского гения.

1918 год, зима.

Только что, пробившись сквозь льды Финского залива, прибыла из Северограда в Петроград военная эскадра.

Черевом Марининский театр был отдан матросам, совершившим этот долгий и тяжелый «ледовый поход».

Театр давно не отапливается, в нем было холодно, и вооруженные матросы в бескозырях и бушлатах, перепоясаны пулуметными лентами, заняли партер и все ложи.

Давалась «Псковитинка» с Шляляпином в партии Ивана Грозного.

Песни пели Ильиник, И. В. Экскюзович звучели в дикторскую ложу. Внимательно оглядев необычную для Марининского труппу аудиторию, он озабоченно сказал драмкому:

— Неподходящий спектакль мы выбрали... Согласен неподходящий.

— Но знаю, как его примет публика.

— Что вас смущает, Иван Васильевич? — спросил Ильиник.

— Как, что вы удивились Экскюзовичу? Помогите, кто сидит в зале... Людям, сгоревшим царизмом, мы слова будем показывать... царя!

Началась увертюра. Моряки с видимым безразличием слушали музыку и безучастно следили за развитием действия; кто-то складывал кружево из карманов бушлатов куски клея и, покусывая его, поглядывал на сцену.

Но вот верхом на белом коне появился Шляляпин — Грозный. На полном скаку он осадил коня на рамы. Из-под нависшего шлема он всплыл в зрительный зал тяжелый, синеватый взгляд, не произнося ни

слов. В этом взгляде отразились жестокость, злоба, трусость, подозрительность, жажда мести — весь сложный и противоречивый характер царя.

По залу пробежала электрическая искра, и вспышка света, словно сплюснутое былинтико, засияла в ее Тетеры, уже матросы не замечали никого, кто находился на сцене, — ни Токмакова, склонившегося с хлебом-солью, ни дочери Грозного Ольты, ни имитенных псковиков, заставших в почтительном преклонении.

Все внимание сосредоточилось на Шляляпине.

Несколько секунд длился этот масловый типноз, и неиздомленно, точно лавину, обрушилась овация.

Пять раз поднималась занавес, пять раз матросы неистово аплодировали Шляляпину, а он с тем же язвенным, свинцовым взглядом, устремленным в зал, продолжал неподвижно сидеть на коне.

Свой спектакль Шляляпин скончально покорял публику и полностью подчинил ее себе. Каждое его появление, каждая сплетя фраза вызывала бурный восторг. Безудержная овация разразилась даже тогда, когда в шатре Грозный произнес слова, совсем не отвечавшие настроению матросов:

— Извините тот великий народ, у которого один владыка, как во едином стade един лястерь...
Экскюзович, все время внимательно и настороженно следивший за тем, как моряки принимали спектакль, теперь окончательно успокоился и в восхищении воскликнул:

— Смотрите, что он сделал с публикой!.. Какой великий артист!

За кулисами

Старейший наш оперный режиссер, народный артист Советского Союза Николай Васильевич Смолич однажды рассказал мне интересный эпизод из жизни Шляляпина, — свидетелем этого эпизода Смолич привелось быть в далеком восемнадцатом году.

Великие музыканты прошлого... В воссоздании их обзыва важна каждая деталь, каждая подробность, зарисовывания современников. Чтобы эти детали «раскопать», необходимы методичность исследователя и увлеченность энтузиаста.

Пионером Александр Лесс закончил работу над книжкой «Рассказы о Шляляпине», состоящей из шестидесяти миниатюр. Каждая из них не претендует на исключительную значимость, но вместе они дают читателю ясное представление о жизни и творчестве Федора Ивановича Шляляпина.

Мы публикujemy три нововоли из новой книги Александра Лесса.

— Вскоре после революции, — говорил Николай Васильевич, — меня назначили управляющим и художественным руководителем бывшего императорского Александрийского театра. Я был назначен управляющим и художественным руководителем бывшего императорского Марининского театра, ныне называемого Шляляпинским.

Работчики петроградских академических театров — Марининского, Александрийского и Михайловского — подняли вопрос о материальном уравнении с артистами.

— Без нас, рабочих, — говорили они, — не будет театра, разве что Конституции мы теперь разны, то и оклады должны быть одинаковыми...

Через несколько дней в Марининском театре состоялось по этому поводу собрание. В президиуме я сидел рядом с управляющим академическими театрами Иваном Васильевичем Экскюзовичем и Шляляпином, который специально пришел на собрание из своей квартиры.

Оаратры произнисши горячие речи: рабочие отставали свою точку зрения, артисты — свою.

Наконец слово взял Шляляпин. Как ни странно, он полностью присоединился к требованиям рабочих. Артисты от неожиданности обомлели, рабочие пришли в восторг. Я попытался дурнуть Шляляпина за край подбородка, он покинул меня по руке и продолжил говорить:

Собрание избрало редакционную комиссию, ей было поручено разработать резолюцию.

Вечером следующего дня ко мне приехал Экскюзович и, не объясняя причин неожиданного визита, попросил поехать с ним в Марининский театр. Когда мы поднялись на сцену, Экскюзович, удеряя меня в кулисы, сказал:

— Смотрите, видели ли вы что-нибудь подобное?

Шляляпин в меховой безрукавке, в рубашке с расстегнутым воротом, энергично носил декорации и уставливавши их с завидной ловкостью.

— Что это значит? — спросил я Экскюзовича.

— То ли еще будет! — неопределенно ответил он.

Я знал, что сегодня идет опера «Север» и «Юдифь» и что Федор Иванович поет в нее Олефера. Правда, Ильиник не поет в нее, а Федор Иванович, почему бы таки он не идет одеваться, не гримируется? Ведь мне хорошо известно его правило — приходить в театр за три часа до спектакля и заниматься гримом и костюмом с величим щадением.

Уже давно поставляются декорации, сквозь занавес доносятся звуки настравываемых инструментов, сидящие за сценой рабочие, которые в то время не бывали сидят с рабочими, рассказывает им какие-то коммические истории, и все весело смеются...

— Пора одеваться, Федор Иванович, — сказал Шляляпин его друг, ведущий режиссер Исаак Дворцианц. — Скорко начнется первый акт...

— Нет, решительно заявил Шляляпин, — я петь не буду... Яставил декорации и устал... Свою работу я выполнил, а то что теперь все равно, то петь. Олефера будет сегодня плотник Трофим!

Сперва все были этими словами огорчены. Некоторые рабочие поумяли, что Федор Иванович продолжает остыть, и даже пытались поддержать его, помыслы над Шляляпинской шуткой и над Трофимом. Но тон и лицо Шляляпина были настолько серьезны, что все поняли: его решено было беспилотно.

Теперь взволновались рабочие. Отмена спектакля с участием Шляляпина на двадцать минут, когда в бывшем императорском театре хлынули советский артисты...

И они стали утверждать Шляляпина изменением решение.

— Вот, братцы, — сказал он, — вы видели, что я могу хорошо ставить декорации, а петь Олефера никто из вас не может... Значит, мы не во всем равны... И здравый смысл должен подсказать вам всю нелепость такого уравнивания...

Рабочие тут же предложили распустить редакционную комиссию, которой теперь делать было нечего.

ПАМЯТЬ ЭВМ

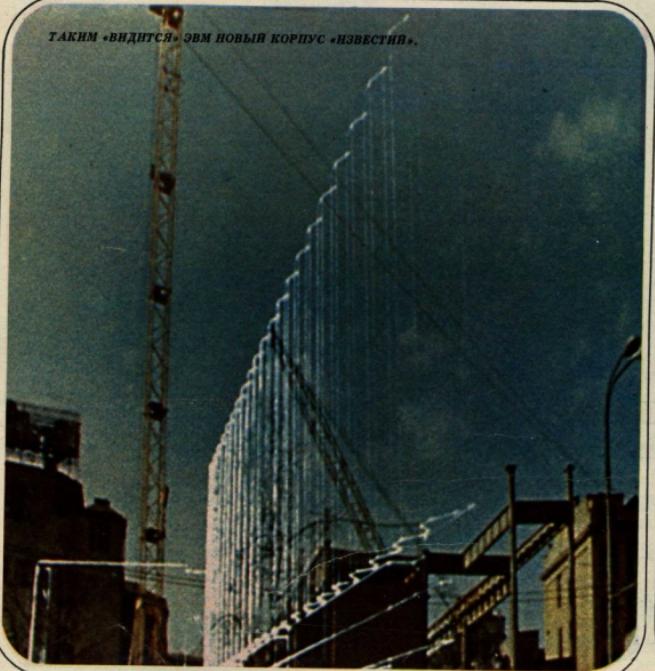
РИСУЕТ КОМПЬЮТЕР

Сергей АБРАМОВ

ФИЛЬМ «КОШЕЧКА». ХУДОЖНИК-МУЛЬТИПЛИКАТОР БЭСМ-4.

ТАКИМ «ВИДИТСЯ» ЭВМ НОВЫЙ КОРПУС «ИЗВЕСТИЙ».

И фильм «Показывает компьютер» не первая работа Бориса.

До него была так называемая «рабра пленим» — проверка умения студента работать с кинопленкой. Обычные этические пробы просматриваются в кинотеатре и записываются в архиве. Но Борис сумел снять уникальный эксперимент, сделанный на биофаке МГУ аспирантом Александром Черным под руководством доктора биологических наук, лауреата премии имени Льва Толстого А. В. Давыдова. Аспирант изучал кошку из самых загадочных свойств: ее способность к покоям. За эту «рабру пленим» Борис Загрижский был удостоен диплома на фестивале студенческих фильмов...

«Показывает компьютер» — фильм, снятый в цвете и для широкого экрана, с интересной сюжетной и художественной смыслью. Прямой смысл объяснять не надо: мы давно-давно привыкли к широкозернистым кинотеатрам. А переносный... Вот от этого стоят поговорить.

Тема фильма [или, если быть точным, курсовой работы] — неограниченные возможности ЭВМ. Вернее, можно ли эти возможности...

ЭВМ модернизирует кошку, попутно рождая идею машинных «мультиплексов».

ЭВМ «дронтизирует» здание «Известий» на Пушкинской площади, и методы, использованные здесь, позволяют архитекторам проектировать «коно-камеры» ЭВМ по улицам будущего города, как бы воочию увидеть проект, существующий пока лишь на бумаге.

ЭВМ помогает на телевидении построить самолетчино-схемы, что, по сути, является моделированием процесса мысленного эксперимента. А результат — не длинные [уны прыжевые...] колонки цифр на перфоленте, а изображение, вынесенное прямо из экрана. Представьте себе авиаконструктора, занимавшегося проектированием своей машины, где на каждом изменение в конструкции ЭВМ мгновенно отвечает новый чертежом с учетом сделанных автором исправлений.

Все это лиши составные части проблемы, давно стоявшей перед наукой: как заменить долгое и сложное программирование доступного лишь специалисту, непредсказуемому, даже для самого энтузиаста алгоритма энтузиаста и машины! Первые — я, надо сказать, удачные! Первые были сделаны в Новосибирске. Система «Экрани», установленная в Вычислительном центре Новосибирского академгородка, позволила вводить в ЭВМ информацию, напечатанную на обыкновенном пишущем машинке, и даже сразу делать поправки — прямо на телевидении специальным световым карандашом.

Система «Экрани» — ключ к автоматизации управления производством. Машинные эксперименты, о которых рассказывает фильм Бориса Загрижского, слушают тише же — однажды из винейших сейчас — цели.

Две первые работы Бориса Загрижского различны по тематике: биологии и математики. Более того, он и не собирается ограничиваться собой: даже эти две — «столбы» работы — не единственные научные. Предыдущий упрек во «всезнайности» молодого режиссера, созвучие «специализироваться», «знать свою тему». Но Загрижский унаследовал ее: науку, ее передний край. Режиссер отнюдь не пытается показать себя этими всезнайками. В своем фильме «Показывает компьютер» он превращается в Зрителя — внимательного, любопытного, доброжелательного. Иными словами, он становится первым зрителем своего — еще не снятого — фильма. И в этом — залог несомненной удачи его работы.

КОМПЬЮТЕР РИСУЕТ «ДЖИКООНДУ»

Kак только не называют двадцатый век любителями красных аббревиатур! И век атома. И век космонавтики. И век электроники. И век кибернетики. Выбирая на любой вкус, поскольку определение «бессмыслица» обозначает совсем уж мистическое: мания может все!

И вы знаете, в этой мистике есть немалая доля правды: машина может многое. Общенеизвестна роль электронно-вычислительных машин в науке — во всех ее отраслях, в промышленности, в строительстве, в промышленении городов, в технологии и в искусстве. Недавно мне довелось посмотреть

фильм, «книжный» ЭВМ. Фильм назывался «Кошечка» и продолжался едва ли минуту. Серая ушастая кошка появлялась из-за рамки кадра, мгновенно переставая лапы, шла на экране, останавливаясь, повернув лумазовую морду к зрителям, и — все. Конец фильма.

Пока это лишь самые первые шаги машинных «мультиплексов», да и сама идея фильма родилась позже и позднее. А главной целью машинного эксперимента было моделирование простых шарирных механизмов. Ведь модель концов тела — это же шарирный механизм, только живой и агрессивный.

Об этом эксперименте, проведенном на математическом факультете

Московского государственного педагогического института, — фильм «Показывает компьютер». Фильм этот — курсовая работа студента ВГИКа Бориса Загрижского. Следующий фильм — «Джоконда» — тоже будет подготовлен к нему, ищет тему, бывает в МГУ чаще, чем у себя в институте: дипломный фильм тоже будет научно-популярным.

Да и связь с МГУ не случайна: последние время Борис Загрижский поступал на географ Москвского университета, окончил его, работал геологом Камчатской экспедиции Всесоюзного аэрогеологического треста. И когда пришел во ВГИК, не раздумывал: главное — не терять связи с наукой.

Бытье ложь

Павел БАГРЯК

Фантастический детектив

— Фреди, давай еще раз обдумаем все сначала.
— О, Гард! —
— Я не могу тебе запрещать, не могу от тебя требовать, поэтому прости.

— Если бы я не знал тебя, Дэвид, то решил бы, что ты подосланы Дороном.

— Это близко к истине, но не менее существа дела. Есть логика, есть здравый смысл...

— Хорошо, давай обдумаем.

Они сидели в небольшой комнате, обставленной антикварными давно вышедшими из моды. Как бы никогда не говорил Гард, всегда можно было определить, сколько десятков лет молчали с тем поры, когда континент было благороднее этого добротного человека, делать специальные изыскания не было нужно, да так как Шиз, которому принадлежала квартира, был тут же. Он сидел в высоком стронхоном кресле, по-королевски уронив голову на грудь, и задумчиво разглядывал торшер из массивного серебра. Немноголюдность Шиза, как поговаривали Гард, могла свидетельствовать либо об ограниченности его умственных способностей, о его мудрости. Шиз все еще оставался придворной для комиссара, который так и не понял, почему старому странному человеку пришлось когда-то бросить весенненое гнездо, «заколотить» свою маленькую квартиру, закрыть вполне приличное и доходное дело и податься на остров Холостиков, чтобы привыкнуть общаться там к мрачной и таинственной «зоне», а затем так же необычно вернуться к ней, то есть к своим будущим, и вернуться к прошлому. Массовая смерть вымыла, вероятно, у Шиза какие-то воспоминания по开玩笑ению, Гард не понимал, поскольку Шиз оброна всех лишь несколько слов, дающих возможность предполагать все, что угодно. Он сказал: «Наследство жены, черт ее поборд! — и вновь умолк.

К «четвергу» Шиза Гард уже успел привыкнуть. Конспираторы! Это же смех: перебраться с острова на материк и, не путая следов, почти на носу у всех, прямым ходом направиться в эту самую квартиру Шиза! Только абсолютная неспособность «хода» помешала Гарду (и, возможно, Дорону) предположить его возможность.

Однако Дорон еще может хвататься, надо попраниваться...

— Татарута, там все в порядке? — спросил Гард.

Инспектор, который был рядом, оторвался от окна, через которое он наблюдал узкие двери и аллеи, ведущие к подъезду дома, и ответил:

— Комната Христи за пакую, шеф.
— Отлично! Итак... Фреди, предположим, ты продолжишь свои разоблачения, назовешь все фамилии, адреса, даты. Беру на себя ответственность логики варианты: тебе верят, общественность возмущается, правительство вынуждено

Окончание. Начало в № 1—10.

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

главное, фамилии действующих лиц он все больше вспоминал, пытаясь и покрывалась потом.

— Где может быть — воскликнула она, снимая очки и вытирая на них на крупный, мистический нос. — Это же... это... Ему не хватало слов, и он потянулся рукой над головой.— Гард, вы меня прости...»

— Убийца! — мрачно подказала комиссар.

— Что? Как вы сказали? Наоборот! — воскликнула лорд Аут.— Всем меня вернули к жизни! Я давно ждал такого материала, я с детства, если угодно, вам знать, мечтал о фитиле генералу Дорону.

— Когда мы были ребенком, дорогой лорд, Дорон спас меня от Дорона.

— Ах, вы были именем иноскажаний!

— Хорошо! Я ради вас скажу! Но должен предупредить вас о возможных последствиях. С генералом шутки плохи, и если вы хотите...

— Не хочу! — перебила редактор.

— Но вы не дослушали до конца.

— Все равно не хочу! Жить! Сохранять ботгейтство! Обезопасить себя? Не хочу! Знаете, Гард, сколько мне лет? Скошко из них ни одна будет малой.

— В таком случае давайте подумаем о том, что сделает, чтобы газета с этим материалом нашла читателя, предложила Гард.— Бояюсь, что прежде чем вы наберете эту статью, к вам явятся гости с небольшими кастями в руках.

— Н-да... — сказала лорд Аут.— Что же вы предлагаете?

— Гард, это хорошо, что вы позвонили сами, но почему с таким перерывом?

— Адела, господин генерал. Собственно, мне нечего было вам сказать, да и сейчас тоже, я просто демонстрирую вам свою дисциплинированность.

— Предположим, комиссар. И все же?

— Мне очень трудно с Честером, но я не терплю наездов.

— Где вы находитесь?

— В управлении.

— Честер с вами?

— Да, генерал.

— Сколько времени необходимо вам, чтобы дать окончательный ответ?

— ...

— Что вы молчите, Гард?

— Думаю. Десять часов, генерал.

— Нет, дорогой мой Гард. Будет поздно. Такой срок меня совершенно не устраивает. Больше того, назначение именно этого срока вселяет в меня некоторые подозрения. Мне нечего вас предупредить, комиссар, но вы понимаете, что просто ждать я тоже не могу. Я призываю руководить событиями.

— Хорошо, господин генерал. Восемь часов.

— Не торгуйтесь, комиссар.

— А что хотите вы?

— ...

— Вы думаете, генерала?

— Да.

— Я жду.

— Два часа, Гард. И ни минуты больше. Через два часа я вынужден открыть действия. Вы меня поняли?

— Чего уж тут не понять, господин генерал.

Мне и самому надоело это неведение. До свидания.

Если оно состоится...

Полицейский, сидящий в машине, которая стояла у главного входа в редакцию «Все начинавшее», принял телефонограмму, быстро расшифровал ее, выйдет из машины, стремительно поднялся на четвертый этаж — в кабинет лорда Аута. «В вашем распоряжении два часа», — прочитала лорд Аут пронзительную записку.

Мы же договаривались о пяти — с непод��ственностью, достойной младенца, воскликнула редактор, обращаясь к тому полицейскому. Тот, недумуно разразив руками, направил лорда Аута глубокий поклон.— Метрополис! — заорал вдруг редактор.— Метрополис!

В шесть часов вечера министр внутренних дел Воронина, сидя за своим рабочим столом, даже не поднявшись с кресла, доложил комиссару Вутс.

При их разговоре присутствовал только секретарь министра, но и этого было достаточно, чтобы в папку Тайного Совета легли стереографические снимки беседы:

ВОННЕА.— Вутс, с минуту на минуту может поизнанить президент и вновь заняться се- годничней статьей в этой парижской газете.

ВУТС.— Вы говорите о статье Честера?

ВОННЕА.— Нет, я говорю о статье Честера!

ВУТС.— Так я же и говорю...

ВОННЕА.— Отвечайте по существу, комиссар, а то мы еще сущу не продвинемся ни на шаг: что вам известно по делу?

ВУТС.— В статье говорится о какой-то «зоне»,

о каких-то опытах над детями... Но ни одной фамилии и никаких адресов автор не приводит.

ВОННЕА.— Благодарю вас, но я сам умею читать. Кроме того, что опубликовано в газете, вы знаете что-либо о «зонах» и опытах?

ВУТС.— Кто вам скажет...

ВОННЕА.— А я что должен, по-вашему, отвечать президенту?

ВУТС.— Что все это выдумка журналиста.

ВОННЕА.— А если не так? А если окажется, что в этой таинственной «зоне» ведется подлог под безопасность государства? Или проходят запрещенные законом бизнесы? И я сяду в лужу? И хоронить еще, если мне придется всего лишь покинуть пост председателя Тайного Совета? Тогда что?

ВУТС.— Тогда скажите...

ВОННЕА.— Хватит падать, комиссар. Лучше связитесь с редактором «Все начинавшего» или с автором статьи, узнайте подробности и доложите мне.

ВУТС.— Можно исполнить?

ВОННЕА.— Вы еще здесь, комиссар! А я-то думал, что вы уже бесседуете с лордом Аутом!

Лицо пустыми глазами смотрела на мужа, и Фред не терял ее словесными увещеваниями, но лишь беспомощностью. Говорить им было, в сущности, нечего, ибо все, что на этом этапе Фред скажет Анне, останется в статье и в телеграмме, таинственным образом переданных в Тайном Совете, когда эта статья известно содержание второго пункта.

Они сидели в кабинете Гара. Тут же была Сьюзи Бэйл, присутствие женщины, как думал Гард, смягчало положение Лианды, но напряженность не спадала, даже пока присутствующие говорили о том, что они находятся в ожидании чего-то, но чего? Что мог предложить супругам комиссар Гард? Вокруг все сломано замерло, как перед взрывом бомбы замедленного действия, которую уже невозможно обезвредить. Поглядывая на часы, Гард тоже ждал наступления роковых минут, знаменующих собой истечение срока, данного Дороном.

Нет, генерал не беспокоил Гарда ни своими историями, ни даже телефонными звонками. Он тоже замер в своей резиденции, и Гард понимал, что взрыв неминуем...

— Кто хочет кофе?

Лианда все теми же пустыми глазами посмотрела на Гарда и ничего не ответила: «Не обойдется без врача», — сказал Гард. — Как бы не пришлось подумывать о медицинской помощи...»

И дарят взгляд Лианды напоминался содержанием какой-то разумной мысли, уже выстраданной, отшлифованной мозгом, рожденной не сейчас...

— Черт ты хочешь сказать? — встрепенулся Фред.

— Я хочу к Майклу, — четко произнесла несчастная женщина. — Я хочу к нему в Купол.

Лианда, так нет Земли...

— Но там Майк...

— Но там Майк...

— Я не могу聯想иться еще и тебя...

— Пойдем вместе. Ведь там Майк.

ПРЕЗИДЕНТ.— Что сие означает, дорогой Воннел?

ВОННЕА.— У меня еще нет официальных данных...

ПРЕЗИДЕНТ.— К чему формальности, когда речь идет о детях и о судьбе государства?

ВОННЕА.— Судьба нашей страны, господин президент, в ваших руках — в ваших! Я спокойна, пока мы...

ПРЕЗИДЕНТ.— Не будем отвлекаться, дорогой Воннел.

ВОННЕА.— Видите ли, господин президент, публикация журналиста Честера — вымысел, как должны мне помочники. И именно по этой причине в ней нет фамилий и адресов.

ПРЕЗИДЕНТ.— Вы что-то путаете, Воннел. Есть и адрес: остров Холостиков, есть и фамилия: генерал Дорон, даже целая указана: покорение Марса...

ВОННЕА.— Где? Когда? Впервые слышу...

ПРЕЗИДЕНТ.— Надо читать газеты, Воннел, тем более, у колы вы отвечаете за охрану государства. Разумеется, перед вами не лежит вечерний выпуск «Все начинавшего»?

ВОННЕА.— Чего? Простите, господин президент, но газетист не имеет вечернего выпуска!

ПРЕЗИДЕНТ.— Что ж, пожалуй, я вас разыгрываю! Бродяка бы нам не по чинам и не по возрасту... Через два часа состоится внеплановое заседание Тайного Совета. Подготовьтесь к нему, Воннел, и позабытесь, чтобы на заседании присутствовал генерал Дорон!

— Ахтунг, Гард! Из-под земли!

Впрочем, война объявлена, и объявление с Гардом уже ничего не даст. Что может сказать ему Дорон? Что он считал комиссарами порядочным человеком, — как странно оперировать этим термином в данной ситуации, что по поддающее, если порядочность Гарда, ингредиент и никогда не запитывалась, и позволяла генералу так дешево обмануться? Да, считал порядочным человеком, но теперь с удовольствием констатирует, что Гард такой же мерзавец, как... как кто? Как все остальные! Как сам генерал Дорон?

Увы, разговор с комиссаром был бы бессмысленным.

Итак, ему удалось успокоить беспаломость генерала. Все на два часа. Как не понял этого Дорон, торгуясь с комиссаром по поводу часов! А ведь подозревал подвох. Ну и чутче у генерала! Но двух часов оказалось достаточно, чтобы выслать вторую публикацию!

Тогда, вспомнив Бригаду «Молния», безнадежно опозорившуюся, Сьюзи Бэйл будет сходить потом, сейчас надо умуть, как поступить дальше.

Уже был звонок от президента.

Уже послалось вызов на заседание Тайного Совета.

Уже обильнялся этот кретин Воннел.

Уже дежурил возле особняка Дорона люди Вутса.

— Генерал, у телефона комиссар Гард, — беспардонным голосом заявил Дильтрих.

— Вы его выпали или сам?

— Поменялся, Дорон взял трубку.

— Что скажете, комиссар?

— Я обесожлен только одним обстоятельством. Попрошу вас высказать меня, генерал, так как, к сожалению, нам не скроется удастся встретиться и поговорить.

— Продолжайте.

— Я понимаю, что перед вами несколько возможностей, которые будут зависеть от хода событий. Не исключено, что вы предусмотрели вариант с уходом генерала Купола и земли».

— Продолжайте.

— Вы знаете что выйти из игры?

— Вы обманываете Честера, но умножите мою фамилию! Это я настою. Будут мысли, и нечего знать. Понимаете, генерал? Я не был в «зоне», и ничего не видел, ничего не знаю. Всего мы покупали, сегодня я хочу купить вас своим обещанием молчать. Я выйду из игры своих людей! Таратуру, девушку, даже вишью Шиза. Перед лицом общественности в вас останется один противник: Честер. Я буду всеми силами оберегать его жизнь, но, как вы понимаете, я все же облегчу вашу задачу. В обмен на жизнь детей!

— Гард, я хочу гарантировать от вас.

— Так я подумал.

— Через тридцать минут, генерал, я вновь позвоню вам.

— Нет, через час.

И обе трубы одновременно легли на рычаг.

«Какое решение он примет? — думал Гард, зажимая разговор с генералом. — Что сделают президент и правительство? Как отнесутся к происшедшему члены Тайного Совета, которые, вероятно, уже назначены для совершенияэтого? Каково будет расположение членов, сколь сильным окажется возмущение народа? И чего больше используются сильные мифы народа: человековенчанистическая защищает Дорона или изрыва «всемирного возмущения»? Сплошные вопросы — и ни одного достоверного ответа!»

Самое печальное, что находился в центре событий, имея под рукой верных помощников, формальные полномочия, оружие в конце концов, Гард до болезненности опустил свое бессовесие.

Нет, он не мог сейчас, когда упущен времена, арестовать преступников. Но мог своей властью переправить на остров отряд полицеистских и предстать перед уничтожением «зоны». Но мог лиянуться к земле, своим своим предложением, даже если бы она была виновата, потому что глава государства сама была бессовесом и злодеем от Тайного Совета. Не мог, вакхон, потребовать свою голову на заседании высшего органа власти, чтобы изложить перед членами Тайного Совета ображения об опасной затее генерала Дорона, о пре-

стутии его замыслов и лезий, поскольку такой ход, комиссариа полиции мгновенно приводил к гибели двух сотен детей...

Гард мог даже предугадать, как повернется дело через минуту. Он ждал, а чего ждал — неизвестно.

«Дурацкая страна... Ауманн...» — если бы солдаты счастливо дожили бы, можно считать... — да лучше меня, да бы кончилось! — думал, живущий под Кукомом: но думать им ни о чем не надо, ни спарить, и иметь в перспективе возможность бежать на Марс с этой мерзкой обетованной Земли!..

На заседании Тайного Совета генерал Дорон держался уверенно, но неспешно, но то, что эти заседания не могли не заметить, что он требует услуг, сдерживая волнение.

А он положил на всеми этого самого могущественного в стране органа свою арочную речь, убедительность которой могла бы подействовать на каждого утюда, но только не на членов Тайного Совета, и теперь ждал, какая часть перескет.

Ад он добровольно поднялся на эшафот, откашливаясь от возжигаемого дыма, и, опустившись в глубокое кресло, где сидела сама в сопровождении Ангрика и его группы «Молния», и теперь был в напряжении, поскольку еще сам не знал, к кому притворится его Тайный Совет: к тому ли, чтобы быть казненным, или к тому, чтобы стать плачом.

Он сказал, что идея покорения Марса плодотворна, поскольку усматривает мощь государства, арест бурных доходов, а также возможность извлечения из него самых собственных, и в этой мысли заслуживает поддержки Тайного Совета, кажется, согласился, хотя и задал генерал вопрос о том, как он попадет, будут распределаться обещанные доходы.

Он сказал, что был вынужден открыть тайной своей деятельности в интересах общего безопасности и члены Совета опять не возразили, хотя всем было ясно, к кому это могло привести. Но

и Дорон, и все присутствующие, и даже министр Вонник понимали, что давний замысел генерала не имеет теперь никакого значения, что он вновь срывается в эту минуту, когда он вновь срывается в своих возможностях, и что он, изменив себя, и что способность каждого здесь присутствующего человека не его несущественными замыслами, а его реальными делами.

Генерал сказала, что идея перестройки человеческого организма и ее реализации — пример, свидетельствующий о потрясающих возможностях науки, перспективы которой просто неизбранные, и наименее при этом, что в недалеком будущем можно будет создать и к борьбе с болезнями, то есть к корректировке организма людей, способных решать самые задачи, и члены Тайного Совета его отлично поняли, хотя и поморщились, когда Дорон дал им понять, что ученыe, решавшие эти проблемы, находятся в его ведении и, «да же сейчас» продолжают свою деятельность, результаты которой мы инуждены сохранить втайне все в тех же высших интересах».

Наконец, Дорон, представившая реакцию народа на статью Нестора, опубликованную в газете «Все наше», для отлучной возможности еще больше обострить классовую борьбу и, воспользовавшись этим, решительно поднять сопротивление оппозиции и разделаться с зачинщиками одним ударом — это никогда не предно, даже полезно, особенно в настоящий момент! — и члены Тайного Совета с видимым одобрением встретили это слово Дорона.

Продолжая все это, генерал сел, и наемлы сказали, что он был так уженрен в окончательном решении Совета. Он понимал, что каждый из присутствующих извешивает сейчас возможность либо ограничить генерала в дальнейшей работе над проектом «Космос», либо отстранить его вовсе, либо даже ему карт-бланш, не под неусыпным контролем Тайного Совета.

Высший орган власти никогда никому не позволялся возвыситься над остальными хотя на мгновение.

и не хотя бы на один миллиметр, но он, как правило, и не допускал понижения...

ОТ АВТОРА

— Лэйл, — сказал в Гард, — как ты относишься к тому, что я опубликовал эту рукопись? Он покалывал пальчики.

— Ответил мне прямо, — наставлял я. — Хорошо. — сказал он, подумав, — отвечу тебе прямо. Меня, как знаешь, меньше всего беспокоит то, что я — одна персона, хотя у тебя и подозреваю, что с этой фразой я проявляю свою полную несостоятельность.

— Отклады..., — начал было я, но он перебил: — Не возражай. Я знаю, что говорю. Но же находит другое: почему ты, собственно, хотел научить читателя? Что хотел ему сказать?

— Я хотел сказать, — ответил я, как прилежный ученик отвечает учителю учителя, что народу не хватает времени быть умным. Чего он не имеет кроме отталкивания добровольно от решительных действий. Чего излечить наше счастье на Марсе. И что безмерному терпению должен когда-то прийти конец...

— И по всему по этому..., — прервал меня Гард, — ты решил наступить читателю на носу и еще извиняться за это?

— И проходи..., — сказал он, чуть успокоившись. — Разлейберг ты старые раны, потребовала памяти добрых людей...

Он закрылся, надолго задумался, я не жалел ему. Потом он неожиданно произнес:

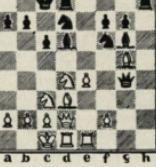
— Прошло время, дорогой мой друг, и еще пройдет, а время не только лечит, оно, как известно, крадет годы даже у боя.

— Боя нет,... — сказал я. — Надо рассчитывать на себя. Только на себя! Ты помнишь это, Дэвид?

КРАСИВАЯ КОНЦОВКА

Немало способных юных шахматистов выдвинулись в наименшином году на чемпионаты мира и других стран. В качестве примера укажем на призовые места 12-летней девочки из Белогорска в первенстве Новокузнецка. Ее несомненным успехом стала победа в композиции, раскрыющей комбинационной атакой в партии с Г. Нештухой, сыгранной в составе юношеской звезды легендарного теннисиста «Порт Ильича».

Вот как выигрывает юная красавица композиционной концовкой «Константин Савельев»: одержали победу в составе юношеской звезды юношеского коллектива при участии хореографии разыгрывавшегося теннисиста «Порт Ильича».

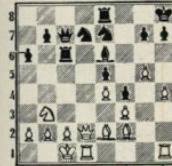
К этому положению построено позиционное приятие, которое проходит после 15-й ходы черных. Борис закончил так:

1. Kd4 e6 2. b7 c6 3. C3+ d6 4. Kc5+ e7 5. Fd2+ d6 6. Kc7+ d5 7. Kc8+ d4 8. Cg5+ d3 9. Kc9+ d2 10. Kd8+ d1 11. Kc9+ d0 12. Kd8+ d1 13. Kc9+ d0 14. Kd8+ d1 15. Kc9+ d0 16. Kd8+ d1 17. Kc9+ d0 18. Kd8+ d1 19. Kc9+ d0 20. Kd8+ d1 21. Kc9+ d0 22. Cg5+ d3 23. Kd8+ d2 24. Fd1+ d1 25. Kd8+ d2 26. Kd7+ d3 27. Kd8+ d2 28. Kd7+ d3 29. Kd8+ d2 30. Kd7+ d3 31. Kd8+ d2 32. Kd7+ d3 33. Kd8+ d2 34. Kd7+ d3 35. Kd8+ d2 36. Kd7+ d3 37. Kd8+ d2 38. Kd7+ d3 39. Kd8+ d2 40. Kd7+ d3 41. Kd8+ d2 42. Kd7+ d3 43. Kd8+ d2 44. Kd7+ d3 45. Kd8+ d2 46. Kd7+ d3 47. Kd8+ d2 48. Kd7+ d3 49. Kd8+ d2 50. Kd7+ d3 51. Kd8+ d2 52. Kd7+ d3 53. Kd8+ d2 54. Kd7+ d3 55. Kd8+ d2 56. Kd7+ d3 57. Kd8+ d2 58. Kd7+ d3 59. Kd8+ d2 60. Kd7+ d3 61. Kd8+ d2 62. Kd7+ d3 63. Kd8+ d2 64. Kd7+ d3 65. Kd8+ d2 66. Kd7+ d3 67. Kd8+ d2 68. Kd7+ d3 69. Kd8+ d2 70. Kd7+ d3 71. Kd8+ d2 72. Kd7+ d3 73. Kd8+ d2 74. Kd7+ d3 75. Kd8+ d2 76. Kd7+ d3 77. Kd8+ d2 78. Kd7+ d3 79. Kd8+ d2 80. Kd7+ d3 81. Kd8+ d2 82. Kd7+ d3 83. Kd8+ d2 84. Kd7+ d3 85. Kd8+ d2 86. Kd7+ d3 87. Kd8+ d2 88. Kd7+ d3 89. Kd8+ d2 90. Kd7+ d3 91. Kd8+ d2 92. Kd7+ d3 93. Kd8+ d2 94. Kd7+ d3 95. Kd8+ d2 96. Kd7+ d3 97. Kd8+ d2 98. Kd7+ d3 99. Kd8+ d2 100. Kd7+ d3.

Под редакцией мастера Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ИГРАЕТ ОЛЕГ РОМНИНЩИК

За последние годы у нас появилось множество юных шахматистов. Среди них наиболее перспективных называют и Юрия Олеговича Ромнина. Примером талантливого игрока этого поколения шахматиста может служить его партия с С. Марынином из последнего традиционного чемпионата мира СССР — Югославия.

Неожиданным тактическим выпадом коня Юрий Иванович, игравший белыми, смело и решительно изменил варианты, в котором он отдал ферзя за пару ладей и доказал превосходство своего плана.

20. Kd1-d2! Fb5 — ab

21. Fd2+ e6 22. c5 d5

23. Le8+ c5 24. c6+ Kd7-f8

25. Se6—b3 Kd7-f8

26. Ld8+ Kd7-f8

27. Ld1-e1 ab — 55. Понятно

только разиняется дузль, в

котором Юрий Иванович

оказывается не в состоянии

противодействовать, не

обладаяющим полной

инициативой нарушителем.

28. Ld1-d5! Fb5 — ab

29. Ld5+ Kd7-f8

30. Sa4+ b5 Fb6 — ab

31. Sc3+ c4! Krc7-h8

32. Sb5+ Krc7-h8

33. Sb6+ Krc7-h8

34. Ld8+ Krc7-h8

35. Ld1-d5! Fb5 — ab

36. Ld5+ Krc7-h8

37. Ld1-d5! Fb5 — ab

38. Ld5+ Krc7-h8

39. Ld1-d5! Fb5 — ab

40. Ld5+ Krc7-h8

41. Ld1-d5! Fb5 — ab

42. Ld5+ Krc7-h8

43. Ld1-d5! Fb5 — ab

44. Ld5+ Krc7-h8

45. Ld1-d5! Fb5 — ab

46. Ld5+ Krc7-h8

47. Ld1-d5! Fb5 — ab

48. Ld5+ Krc7-h8

49. Ld1-d5! Fb5 — ab

50. Ld5+ Krc7-h8

51. Ld1-d5! Fb5 — ab

52. Ld5+ Krc7-h8

53. Ld1-d5! Fb5 — ab

54. Ld5+ Krc7-h8

55. Ld1-d5! Fb5 — ab

56. Ld5+ Krc7-h8

57. Ld1-d5! Fb5 — ab

58. Ld5+ Krc7-h8

59. Ld1-d5! Fb5 — ab

60. Ld5+ Krc7-h8

61. Ld1-d5! Fb5 — ab

62. Ld5+ Krc7-h8

63. Ld1-d5! Fb5 — ab

64. Ld5+ Krc7-h8

65. Ld1-d5! Fb5 — ab

66. Ld5+ Krc7-h8

67. Ld1-d5! Fb5 — ab

68. Ld5+ Krc7-h8

69. Ld1-d5! Fb5 — ab

70. Ld5+ Krc7-h8

71. Ld1-d5! Fb5 — ab

72. Ld5+ Krc7-h8

73. Ld1-d5! Fb5 — ab

74. Ld5+ Krc7-h8

75. Ld1-d5! Fb5 — ab

76. Ld5+ Krc7-h8

77. Ld1-d5! Fb5 — ab

78. Ld5+ Krc7-h8

79. Ld1-d5! Fb5 — ab

80. Ld5+ Krc7-h8

81. Ld1-d5! Fb5 — ab

82. Ld5+ Krc7-h8

83. Ld1-d5! Fb5 — ab

84. Ld5+ Krc7-h8

85. Ld1-d5! Fb5 — ab

86. Ld5+ Krc7-h8

87. Ld1-d5! Fb5 — ab

88. Ld5+ Krc7-h8

89. Ld1-d5! Fb5 — ab

90. Ld5+ Krc7-h8

91. Ld1-d5! Fb5 — ab

92. Ld5+ Krc7-h8

93. Ld1-d5! Fb5 — ab

94. Ld5+ Krc7-h8

95. Ld1-d5! Fb5 — ab

96. Ld5+ Krc7-h8

97. Ld1-d5! Fb5 — ab

98. Ld5+ Krc7-h8

99. Ld1-d5! Fb5 — ab

100. Ld5+ Krc7-h8

101. Kc5+ b6 102. b7 c6 103. C3+ d6 104. Kc5+ e6 105. Fd2+ d5 106. Kc7+ d4 107. Kc8+ d3 108. Kc9+ d2 109. Kc8+ d1 110. Kc9+ d0 111. Kc8+ d9 112. Kc9+ d8 113. Kc8+ d7 114. Kc9+ d6 115. Kc8+ d5 116. Kc9+ d4 117. Kc8+ d3 118. Kc9+ d2 119. Kc8+ d1 120. Kc9+ d0 121. Kc8+ d9 122. Kc9+ d8 123. Kc8+ d7 124. Kc9+ d6 125. Kc8+ d5 126. Kc9+ d4 127. Kc8+ d3 128. Kc9+ d2 129. Kc8+ d1 130. Kc9+ d0 131. Kc8+ d9 132. Kc9+ d8 133. Kc8+ d7 134. Kc9+ d6 135. Kc8+ d5 136. Kc9+ d4 137. Kc8+ d3 138. Kc9+ d2 139. Kc8+ d1 140. Kc9+ d0 141. Kc8+ d9 142. Kc9+ d8 143. Kc8+ d7 144. Kc9+ d6 145. Kc8+ d5 146. Kc9+ d4 147. Kc8+ d3 148. Kc9+ d2 149. Kc8+ d1 150. Kc9+ d0 151. Kc8+ d9 152. Kc9+ d8 153. Kc8+ d7 154. Kc9+ d6 155. Kc8+ d5 156. Kc9+ d4 157. Kc8+ d3 158. Kc9+ d2 159. Kc8+ d1 160. Kc9+ d0 161. Kc8+ d9 162. Kc9+ d8 163. Kc8+ d7 164. Kc9+ d6 165. Kc8+ d5 166. Kc9+ d4 167. Kc8+ d3 168. Kc9+ d2 169. Kc8+ d1 170. Kc9+ d0 171. Kc8+ d9 172. Kc9+ d8 173. Kc8+ d7 174. Kc9+ d6 175. Kc8+ d5 176. Kc9+ d4 177. Kc8+ d3 178. Kc9+ d2 179. Kc8+ d1 180. Kc9+ d0 181. Kc8+ d9 182. Kc9+ d8 183. Kc8+ d7 184. Kc9+ d6 185. Kc8+ d5 186. Kc9+ d4 187. Kc8+ d3 188. Kc9+ d2 189. Kc8+ d1 190. Kc9+ d0 191. Kc8+ d9 192. Kc9+ d8 193. Kc8+ d7 194. Kc9+ d6 195. Kc8+ d5 196. Kc9+ d4 197. Kc8+ d3 198. Kc9+ d2 199. Kc8+ d1 200. Kc9+ d0 201. Kc8+ d9 202. Kc9+ d8 203. Kc8+ d7 204. Kc9+ d6 205. Kc8+ d5 206. Kc9+ d4 207. Kc8+ d3 208. Kc9+ d2 209. Kc8+ d1 210. Kc9+ d0 211. Kc8+ d9 212. Kc9+ d8 213. Kc8+ d7 214. Kc9+ d6 215. Kc8+ d5 216. Kc9+ d4 217. Kc8+ d3 218. Kc9+ d2 219. Kc8+ d1 220. Kc9+ d0 221. Kc8+ d9 222. Kc9+ d8 223. Kc8+ d7 224. Kc9+ d6 225. Kc8+ d5 226. Kc9+ d4 227. Kc8+ d3 228. Kc9+ d2 229. Kc8+ d1 230. Kc9+ d0 231. Kc8+ d9 232. Kc9+ d8 233. Kc8+ d7 234. Kc9+ d6 235. Kc8+ d5 236. Kc9+ d4 237. Kc8+ d3 238. Kc9+ d2 239. Kc8+ d1 240. Kc9+ d0 241. Kc8+ d9 242. Kc9+ d8 243. Kc8+ d7 244. Kc9+ d6 245. Kc8+ d5 246. Kc9+ d4 247. Kc8+ d3 248. Kc9+ d2 249. Kc8+ d1 250. Kc9+ d0 251. Kc8+ d9 252. Kc9+ d8 253. Kc8+ d7 254. Kc9+ d6 255. Kc8+ d5 256. Kc9+ d4 257. Kc8+ d3 258. Kc9+ d2 259. Kc8+ d1 260. Kc9+ d0 261. Kc8+ d9 262. Kc9+ d8 263. Kc8+ d7 264. Kc9+ d6 265. Kc8+ d5 266. Kc9+ d4 267. Kc8+ d3 268. Kc9+ d2 269. Kc8+ d1 270. Kc9+ d0 271. Kc8+ d9 272. Kc9+ d8 273. Kc8+ d7 274. Kc9+ d6 275. Kc8+ d5 276. Kc9+ d4 277. Kc8+ d3 278. Kc9+ d2 279. Kc8+ d1 280. Kc9+ d0 281. Kc8+ d9 282. Kc9+ d8 283. Kc8+ d7 284. Kc9+ d6 285. Kc8+ d5 286. Kc9+ d4 287. Kc8+ d3 288. Kc9+ d2 289. Kc8+ d1 290. Kc9+ d0 291. Kc8+ d9 292. Kc9+ d8 293. Kc8+ d7 294. Kc9+ d6 295. Kc8+ d5 296. Kc9+ d4 297. Kc8+ d3 298. Kc9+ d2 299. Kc8+ d1 300. Kc9+ d0 301. Kc8+ d9 302. Kc9+ d8 303. Kc8+ d7 304. Kc9+ d6 305. Kc8+ d5 306. Kc9+ d4 307. Kc8+ d3 308. Kc9+ d2 309. Kc8+ d1 310. Kc9+ d0 311. Kc8+ d9 312. Kc9+ d8 313. Kc8+ d7 314. Kc9+ d6 315. Kc8+ d5 316. Kc9+ d4 317. Kc8+ d3 318. Kc9+ d2 319. Kc8+ d1 320. Kc9+ d0 321. Kc8+ d9 322. Kc9+ d8 323. Kc8+ d7 324. Kc9+ d6 325. Kc8+ d5 326. Kc9+ d4 327. Kc8+ d3 328. Kc9+ d2 329. Kc8+ d1 330. Kc9+ d0 331. Kc8+ d9 332. Kc9+ d8 333. Kc8+ d7 334. Kc9+ d6 335. Kc8+ d5 336. Kc9+ d4 337. Kc8+ d3 338. Kc9+ d2 339. Kc8+ d1 340. Kc9+ d0 341. Kc8+ d9 342. Kc9+ d8 343. Kc8+ d7 344. Kc9+ d6 345. Kc8+ d5 346. Kc9+ d4 347. Kc8+ d3 348. Kc9+ d2 349. Kc8+ d1 350. Kc9+ d0 351. Kc8+ d9 352. Kc9+ d8 353. Kc8+ d7 354. Kc9+ d6 355. Kc8+ d5 356. Kc9+ d4 357. Kc8+ d3 358. Kc9+ d2 359. Kc8+ d1 360. Kc9+ d0 361. Kc8+ d9 362. Kc9+ d8 363. Kc8+ d7 364. Kc9+ d6 365. Kc8+ d5 366. Kc9+ d4 367. Kc8+ d3 368. Kc9+ d2 369. Kc8+ d1 370. Kc9+ d0 371. Kc8+ d9 372. Kc9+ d8 373. Kc8+ d7 374. Kc9+ d6 375. Kc8+ d5 376. Kc9+ d4 377. Kc8+ d3 378. Kc9+ d2 379. Kc8+ d1 380. Kc9+ d0 381.

C

ерые тучи нескончаемой чередой тянулись по насыщенному промокшему небу, где-то на горизонте слышился с ровными квадратами широкой бетонной дороги звук гонок на автомобили. И лишь гонщики, затянутые в туго кожаные костюмы, казались, не обращали никакого внимания на царившее вокруг волнение.

— Раз приехали, надо выгружаться.

Эдуард Осипович Лорент решительно направился к принципу, на котором возвышалась автомобильная арена.

— Стартует сегодня, конечно, и через час-другой дорога будет абсолютно сухой.

Вы думаете, что... Механик сомнением посмотрел на него.

— Уверен. Здесь, под Харьковом, всегда так.

А в самый нужный момент ветер нам поможет...

Знаменитый харьковский гонщик подошел к принципу, где его подиумил сын, и через минуту дружескими усилиями автомобиля был спущен на красную бетонную арену. Сразу окруживший его коллеги любопытно заглянули в машину всплыли понятия. Ведь «Харьков-ЛЭЗ» — первый отечественный «дрейфтер», на котором уже неоднократно показывались рекордные скорости.

— Прибыли быть сюжет рекорд!

— Рекорды! Сегодня для нас важнее всего опровергнуть и обкатать машины...

О рекордах заслуженный мастер спорта СССР, неоднократный рекордсмен страны Эдуард Лорент, известен любому, кто интересуется любым спортом — неустанный, находчивый труд, скрытый от взгляда постороннего наблюдателя. Талантливый конструктор, замечательный механик, первоклассный гонщик, превосходящий всех в юности центр трезвой расчета. Ведущий профессии гонщика среди профессии летчика-испытателя. Здесь любая оплошность может стать первой и последней.

Все впечатления к мгновениям уходит Эдуард Осипович со своим учеником — сыне Валерию, Эдуарду Костенко, Александра Саломатова, Владимира Капицева. Всех этих в общем-то молодых, но уже опытных гонщиков объединяет в харьковском спортивно-техническом клубе «Трудовые резервы любовь к скорости. Ради нее эти смельчаки, мужественные парни, за плечами которых уже по нескольку рекордов Советского Союза, готовы целически пропадать у своих гоночных машин, испытывать каждый узел, каждую до-

таль.

Атмосфера творческого сотрудничества, жаждного, неустанных поиска новых решений в первую очередь и определяет нравственную атмосферу не большого коллектива клуба «ЛТ», о достижениях, машинах и рекордах которого знают далеко за пределами нашей страны.

...Тишину разорвал оглушительный рев двигателей. И когда, казалось, звук достиг самой низкой ноты, машины рванулись вперед.

Рекордные звезды внешне выглядят менее красочно и эффективно, чем, скажем, шоссейно-кольцевые гонки. Здесь нет взрыва захватывающей борьбы с сопротивлением на глазах у любопытнейших зрителей. Здесь, наоборот, гонки один за одним ведут спор с неумолимой секундной стрелкой.

Со стороны может показаться все проще просто — въехать и проехать на скоростном автомобиле пятьсот метров или один километр. Трасса всегда ровная — бетон или высокая соль. Жили себе на гонки и никуды не сворачивай. Фотографии в начале и в конце дистанции. Электронический хронометр зафиксирует время с точностью до тысячных долей секунды. Это время будет смотреться в любой атлетике, своего рода автомобильный спринт. Промяется по прямой в одном направлении, тут же развернется и обратно. Важет имеет средняя скорость по двум гонкам.

То же самое и при старте на один километр с ходу. Только здесь, прежде чем пересечь луч фотостарта, гонщик начинает разгонять автомобиль за два-три километра, чтобы на мерном отрезке показать максимальную скорость. Максимум этого показа делается у места установки автомобилей. Например, для класса Н (рабочий объем цилиндров двигателя 0,5—0,75 литра) мировой рекорд с 1963 года принадлежит Э. Лоренту. Девять лет назад его «Харьков-ЛЭЗ» развил скорость 286,1 км/час.

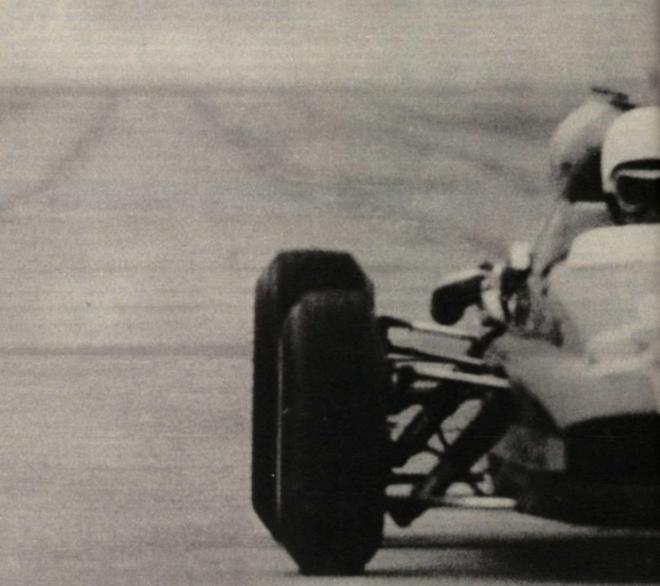
Всего для автомобилей с двигателями внутреннего горения спортивной таблицей Международной автомобильной федерации предусмотрено, в зависимости от рабочих объемов цилиндров, 11 классов. Наменьший — К (до 0,25 литра) имеющий рекорд скорости 230,21 км/час; наибольший — А (свыше 8 литров) — 559,53 км/час.

Еще три «весовые категории» предусмотрены

для автомобилей с газотурбинными двигателями (тоже на прямодромах на ходу). Здесь же машины рекорда принадлежат советскому гонщику Илье Тихомирову. Его «Пионер-2» в классах до 500 и 500—1000 кг показал соответственно 311,4 км/час и 310,2 км/час. А в классе свыше 1 000 кг первенство принадлежит трагически погибшему англичанину Дональду Кэмбеллу. Не так давно 648,72 км/час, показанные его «Синей птицей», были наивысшей скоростью — абсолютным мировым рекордом. Теперь, когда в спор вступили реактивные двигатели, таинственный Кэмбелл снялся с соревнований. Для автомобилей этого нового класса «весовая» градация пока не существует. Реактивный монстр «Синее пламя» (США) два года назад показал среднюю скорость на дистанции один километр с ходу — 104,1 км/час.

Владимир ЗАХАРОВ

ВСЕ КИЛО

Как видите, в наши дни битва за скорость вступила в новую фазу. Какие результаты будут показаны завтра или послезавтра, трудно не только сказать, но даже представить.

Лорент знает цену этому мерному километру. Ведь каждый старт для гонщика — это бросок в неизвестное будущее. Быть может, рекорд — один из немногих, кому давалось словно переключить все трудности неизвестной спортивной жизни.

Он начинял в памятные тридцатые, в годы первой пятилетки, когда только зарождалась техническая мощь нашей страны. Малчишками строили свой первый мотоцикл. Настоящим, год за годом испытывали свою «персону», доводили ее «до ума». Свой первый рекорд Эдуард Осипович установил на мотоцикле в 1932 году на спартакиаде ВЛКСМ. И было ему тогда всего лишь 22 года. А в 1967 году отец и сын Лоренты установили сразу четыре всесоюзных рекорда, один из

которых повторил, а второй превысил высшие мировые достижения в своем классе автомобилей.

Теперь пришла очередь его учеников. 10—15 секунд — приблизительно столько потребовалось Владиславу Капицеву, чтобы установить свой первый всесоюзный рекорд или установить с рабочим объемом цилиндров 2000 куб. см. показав среднюю скорость на дистанции 104,1 км/час.

Рекордные звезды шли своим чередом. Но не все было гладко у гонщиков. Что-то не ладилось у Валерия Лорента. Одна, другая приникала — машина плохо «дергается» дорогу. Что делать? Все с нетерпением посмотрят на Эдуарда Осиповича. Но Лорент-старший, как всегда, спокоен. Да несколько советов ему, он спешит к старту, где уже приготовлены к гонке Эдуард Костенко. Несколько напутственных слов — и моторизованная рама на четырех тонких колесах с пронизи-

Виктор САКК [фото]

до сих пор остается в тени. Хоть автомобильные гонки, я в этом абсолютно убежден, могут побить гораздо больше зрителей, чем бокс или даже футбол. Надо только в наши дни, дни бурного технического прогресса, идти в ногу со временем.

Идти в ногу со временем! Весь жизненный опыт Эдуарда Осиповича Лорента является яркой иллюстрацией к этим словам. Взять, к примеру, его знаменитую гоночную машину «Харьков-ЛЗ». Построенная в 1955 году, она до сих пор остается в строю. В этом году в мастерских клуба для нее создана серия универсальных малолитражных двигателей с объемом от 250, 350, 500 и 750 кубических сантиметров. Расчетная скорость машины 400 километров в час.

Другой пример — машина Владимира Кашпе-

ровича особенность автомобиля — на задние ведущие колеса приходится 62 процента веса всей конструкции. Сделано это для того, чтобы машина могла очень резко брать start, без пропусков колес. На передние колеса приходится только 44 килограмма из общего веса автомобиля в 240 килограммов. При рекордных заездах на короткие дистанции, стартуя с места, автомобиль лишился в конце мерного участка достигает предельных скоростей, при которых начинается скользящий трог, обработка которого занимает Ползуну обработки, поскольку линии на раму с двигателями, которая выполнена из легких трубчатых ферм. Передняя и задняя подвески снабжены довольно жесткими пружинами, так как рекордные заезды проводятся на солнышках трассах или дорогах с хорошим покрытием.

При создании этого «дредгестера» Эдуард Осипович остался верен своему принципу. Он создал для себя и других разновидности форсированных двигателей, которые могут меняться прямо в условиях соревнований.

В настоящее время в клубе готовят пять автомобилей, каждый из которых сможет штурмовать высшие всесоюзные и мировые достижения. И здесь Лорент верен своей давней идее, которую он неустанным образом отстаивает на конгрессах, выставках и других соревнованиях по мотогонкам и средним автомобилям. Вот почему все машины, созданные в клубе, соответствуют только этим классам. Мне почему-то кажется, что Эдуард Осипович принципиальный противник реактивной техники, которая превращает автомобили в самолеты без крыльев. Правда, лет десять назад в печати появились сообщения о том, что гонщик приступил к постройке своего первого самолета с ракетным двигателем 900 килограммов в час (по теоретическим пределам порядка 924 км/час). Однако и при создании этой машины конструктор предусмотрел передачу мощности на все четыре колеса (передел указан именно для этого случая). Кто знает, может быть, со временем эта машина и выйдет на start и явится первым советским автомобилем, установившим рекорд скорости на земле.

Энтузиасты новых машинами, разговаривая с гонщиками, каждый раз убеждаются, что молодые коллеги Лорента (именно коллеги, а не ученики, как неоднократно подчеркивал сам Эдуард Осипович) разделяют оптимизм своего наставника и тренера. Именно оптимизм, ведь в своих силы и позволяют дружной лягере преодолевать многочисленные трудности. А трудности хватает. Примером может послужить один из самых редких. Другой раз метеор Лорента давно бы все бросил и ушел на покой. Но Лорент не прыгнул отступать. Он знает, что у каждого гонщика есть свой километр, тот один-единственный, который определяет судьбу человека на всю жизнь.

«СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО» — ОТЕЦ И СЫН ЛОРЕНТЫ ПЕРЕД РЕКОРДНЫМ ЗАЕЗДОМ.

тельным взором срывается с места. О чём думает, о чём размышляет в такие минуты человек, руки которого не один десяток лет держали штурвал гончного автомобиля?..

Сорок лет в спорте! Немного найдётся в мире настоящих спортсменов, которые не любят спортивным долголетием. Сорок лет и семьдесят рекордов СССР, из которых 19 превышают высоту мировых достижений в различных классах малолитражных автомобилей.

Нелегко, совсем нелегко быть на переднем крае советского спорта все эти годы, если к тому же избранный тобой вид требует особого сплава мужества и технического мастерства.

— Да, это происходит во всем мире! — говорит Лорент. — Увеличение мощности двигателей, рост скоростей. Здесь мы ни в чём не уступаем зарубежным спортсменам. Иногда даже заметно превосходим их. А сам автомобильный спорт у нас

ева. Создавалась она для шоссейно-кольцевых гонок. В клубе построены две такие машины, каждая по-своему уникальна. Одна, на которой стартовал Владимир, имеет узкотрубчатую раму для установки двигателя. И в то же время форсированный двигатель мощностью более 300 л. с. имеет хорошую управляемость при небольшом весе. Эти качества и позволили установить новый рекорд. Что же касается шоссейно-кольцевых гонок, то здесь конструкторы рассчитывают получить солидный выигрыш в скорости именно на прямых участках трассы.

Когда я впервые появился в клубе «ТР», можно было назвать оригинальной, новаторской конструкцией. Несколько лет назад Лорент построил гоночный автомобиль «Харьков-ЛЗ» для рекордных заездов на короткие дистанции (500 и 1 000 метров) со стартом с места. Эта машина заслуживает, чтобы о ней было рассказано подробнее.

Рисунок Фелинса КУРИЦ

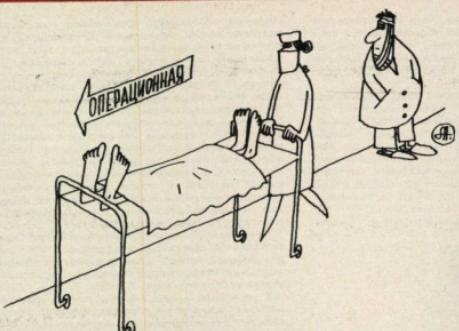

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

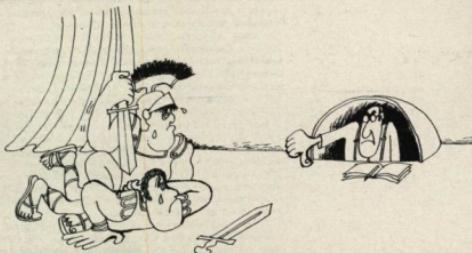
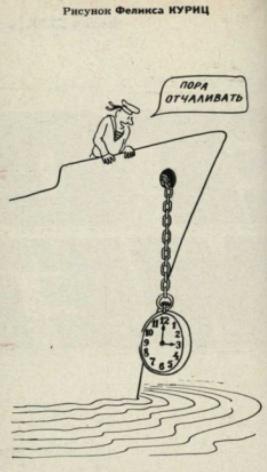

Рисунок Николая КАЛУГИНА

Рисунок Сергея ТЮНИНА

ПОРА
ОТЧАЛИВАТЬ

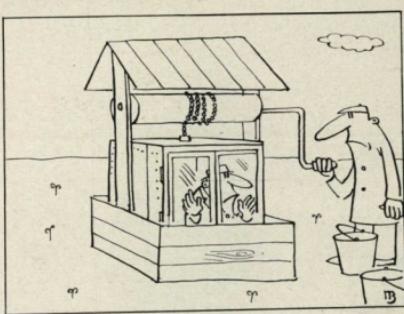
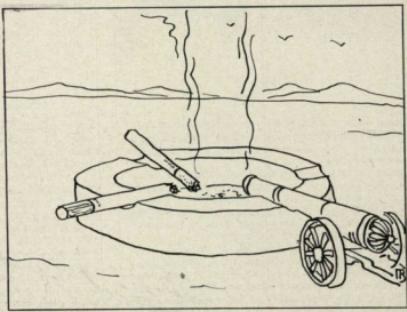

Рисунок Виталия ПЕСКОВА

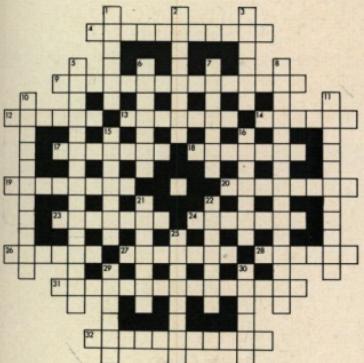

КРОССВОРД

Составил Л. ЧЕРНЕЦКИЙ,
г. Краснодар

По горизонтали:

По вертикали:

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали:

По вертикали:

- Гармоника. 4. Подшипники. 9. Воронинка. 10. Агуты.
 - Нето. 13. «Интернационал». 16. Марш. 19. Тулузона. 20. Тенорина. 21. Лунар. 22. Стендаль. 26. Веллингтон. 27. Ибаянд. 28. Корнелии. 31. Небесоденни. 33. Томас. 34. Красавица. 35. Сара. 36. Красавицад. 37. Иронианка.
 - Герасимов. 2. Марти. 3. Ильин. 5. Диктор. 6. Пепель. 7. Колонада. 8. Эванджил. 11. Интерпретатор. 12. «На-турин». 13. Камбон. 15. Пополезни. 17. Селигер. 18. «Протезы». 23. Плиумут. 24. Хлебников. 25. Тобакко. 26. «Сибирь». 27. «Сибиряки». 31. Полис. 32. Ветер.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Слово Евгения ДОЛМАТОВСКОГО

Музыка Оскара ФЕЛЬШМАНА

В переулке темно и безлюдно,
Лишь одно не погасло окно.
Подойти к нему сложно и трудно,
Но теперь уже все решено.

Принцеса.

На улыбку улыбкой отвечу,
Не считая взаимных обид.
Выходящим друг другу навстречу
Есть что вспомнить и что позабыть.

ПРИЛОЖЕНИЯ

По сгоревшим мостам,
Где ходила любовь,
Ли к знакомым местам возвращаюсь.
И здоровлюсь вновь,
И здоровлюсь вновь,
И прощаюсь, прощаюсь, прощаюсь.

Недоверчивый твой взгляд и тревожен,
Ли это есть начало причин

Припев:
По сгоревшим мостам,
Где ходила любовь,
Я к знакомым местам возвращаюсь.
И здороваюсь вновь,
И здоровлюсь вновь,
И прощаюсь, прощаюсь, прощаюсь.

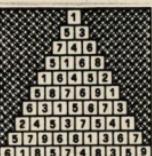

1

Фигура справа состоит из очерченных пятиклеточных блоков. Разъедините их и по одному перенесите на свободное поле второй фигуры.

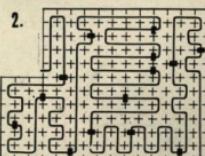
2

Начиная с самой верхушки ступенчатой пирамиды, отберите от каждой ступени по одному только соседнему числу. Какие десять чисел нужно отобрать, чтобы их сумма равнялась самому большому из возможных итогов?

**ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ
«СМЕНЫ» № 19**

1 *Magazine No. 2*

ACMO-22

Co CTB, 21

и сказаннымму, что вопросы качества продукции, расширения ассортимента одежды и обуви — главная тема постоянно действующего в Грузии Штаба качества, что работа Дома моделей и предприятий легкой промышленности находится в центре забот Тбилисского горкома партии, что слово: мода в Грузии — это общее дело тысяч людей разных профессий.

—Знакомство с азербайджанским Домом моделей началось на Бакинском аэродроме, где наряду с привычными простыми и элегантными формами бортпроводниц, чуть позже мы залюбовались именаминамаработниц новой гостиницы «Сабирабад». Азербайджан нам, в Бакинском Доме моделей немало внимания уделяется и производственной одежде, и костюмам для домашней работы, и всем тем предметам народного быта, которые диктуют художникам климат, традиции труда и отдыха

в Азербайджане.
Первое, что бросается в глаза на улицах Баку, — это популярность миди-юбон.

— Но ведь они уже уходят в прошлое? Может быть, недостаточно убедительно ведется работа по пропаганде нового в моде?

Алина Сергеева объясняет: эта длина более всего соответствует традиционным вкусам азербайджанских женщин. Но миди-юбка не единственный вариант длины: молодежь с удовольствием носит и короткие, чуть выше колен платья; женщины постарше предпочитают длину по колено.

Этим летом, девушки в Баку

по-прежнему носят бирюзовые ансамбли, но предложение моделей основано на глубоком изучении народного костюма: например, длинные блузоны [туники] с вышивкой и широким поясом шнурка у знати носят с тонкими хлопчатобумажными широкими бирюзовыми, имитирующими стиль национальных шаровар. Материал для туник — шелк, который в яркой гамме, в разнообразных рисунках выпускает Центральноазиатский домбран Афганистана.

столицы Азербайджана.
Дыхание народного фольклора ощущимо и в другом популярном брючном ансамбле, где блуза, украшенная золочеными блочкиами, с подрезом спереди, имитирует старинный народный костюм «Дон».

Спортивность стиля определила широкую популярность летних пальто, костюмов, юбок из синтетики,

репса, поплина. Такой «унифицированный» гардероб, состоящий из многих компонентов, удобен в Баку, где море и пляж —

удобен в Баку, где море и пляж — это, по существу, центр города... Комбинат имени Ленина в Баку выпускает разнообразные по фантазии и расцветкам хлопчатобумажные ткани, из которых делаются ситцевые бирючные ансамбли,

спортивные комплекты из нарядного репса — с декоративной строчкой по карманам, воротнику, юбке (этот ансамбль, пользующийся особым успехом, демонстрирует его автор

Лена Пятерня, художник-модельер и манекенщица Дома моделей). Запоминаются и «унифицированный» гардероб домашней хозяйки

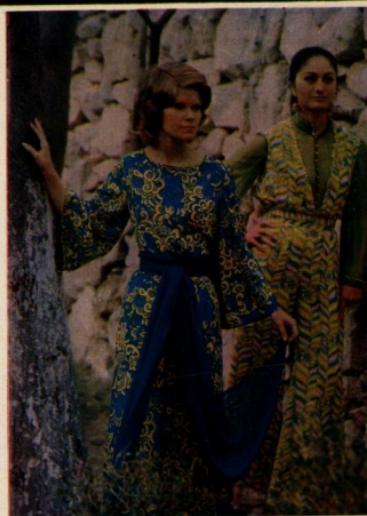
ный гардероб домашней обуви (набор ярких, нарядных фартуков-сарафанов к одному платью), и оригинально решенный вечерний туалет из тончайшей шифоновой

туалет из тончайшей шифоновой блузы, крепдешинового жилета и широких брюк-шаровар, и спортивные ансамбли из тонкого джерси,

украшенные шерстяным шнуром. К сожалению, в магазинах города этих ансамблей мы не увидели.

в реальной жизни, за стенами лаборатории мастеров моды...

— 1 —

**Народные Фольклорные жанры в альбоме
работе Азербайджанских модельеров**

Литовский креп

Цена номера 20 коп.

Цена номера
Индекс 70820